

В МИРЕ ПРОДАНО
более 1 000 000 книг автора!

САРА ДЖИО

Тихие слова любви

Сара Джио

Тихие слова любви

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Джио С.

Тихие слова любви / С. Джио — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-94761-4

Хозяйка цветочного магазина Джейн Уильямс получает в день рождения письмо, где говорится, что она владеет уникальным даром – видеть любовь. Сначала Джейн принимает это за розыгрыш своего брата Флинна, который таким образом пытается устроить ее личную жизнь. Однако череда удивительных событий заставляет Джейн поверить, что странное послание – не шутка. И теперь она должна выполнить нелегкое задание: распознать шесть типов любви и описать каждый из них для потомков. Если Джейн не сделает это до следующего дня рождения – она никогда не сможет любить. Но вот беда – как ей почувствовать любовь в чужих сердцах, если она сама еще не испытывала? И, похоже, с каждым днем шансов у Джейн все меньше...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-94761-4

© Джио С., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сара Джо

Тихие слова любви

Посвящается моим дорогим друзьям, которые были со мной в самые мрачные часы моей жизни и никогда не отпускали мою руку, особенно это относится к Венди Парриере, Натали Квик и Клэр Бидвелл Смит. Это настоящая любовь.

Если вы никого не любите, все остальное не имеет значения.
Э.Э. Каммингс

Sarah Jio

The LOOK of LOVE

Copyright © by Sarah Jio, 2016

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,

2017

Пролог

Париж

1893 год

В фешенебельном 5-м округе, протянувшемся вдоль Сены, возле своей тележки с цветами стояла Элоди и наблюдала за парочками, гулявшими рука об руку. «Любовь – не для меня», – думала она. Разумеется, завести дружка можно было без проблем. Взять, к примеру, парня, который возит тележку с мороженым. Или фермера. Или трубочиста. Или одного из тех, которые начищают до блеска ботинки господам побогаче. Нет уж. Элоди глубоко вздохнула и сорвала увядший листок с одного из пионов, стоявших в ведре с водой. Подняв глаза, она увидела Люка Дюмона, графа Овернского. Его цилиндр возвышался над толпой, запрудившей улицу. Встретившись с девушкой взглядом, он пересек вымощенную булыжниками мостовую, ловко увернувшись от кареты.

Граф часто подходил к тележке Элоди, чтобы купить цветы для своей жены Марселины, чей суровый вид, плотно сжатые губы и сердитые глаза странно смотрелись рядом с его мягкой и добродушной физиономией. Иногда Элоди пыталась представить, каково это быть графиней, *его* графиней. Она часто заглядывала в окна графского особняка, расположенного на другой стороне улицы, и гадала, на что похожа жизнь в его стенах.

– Здравствуйте, – сказал Люк и приподнял цилиндр.

– Здравствуйте, – ответила ему Элоди, слегка взволнованная его присутствием. – Вам, как всегда, букет для графини?

Как у торговца чаем есть своя собственная смесь сортов, или ресторатор может угостить вас своим фирменным блюдом, так и Элоди умела составить букет особенным образом. Она отбирала для него лишь цветы зеленых оттенков – циннии, хризантемы и редкие розы цвета лайма, от красоты которых перехватывало дыхание. Такой букет она составляла лишь раз в день и держала его в глубине тележки, специально оставляя для Люка.

Граф ответил не сразу, потерявшись в ее глазах.

– Они зеленые, – неожиданно произнес он.

Элоди, не понимая, покачала головой.

– Ваши глаза.

Девушка улыбнулась.

– Да.

– Красивые глаза.

– Благодарю вас, сударь.

– Зовите меня Люк. – Он немного помолчал. – Могу ли я узнать ваше имя?

– Элоди.

– Элоди, – повторил граф, разглядывая цветы. Его взгляд остановился на выбитой по краю тележки надписи.

– Почему здесь эти слова? – спросил он, указывая на нее. – «Amour vit en avant»...

«Любовь продолжает жить». Это напутствие для Элоди произнесла ее умирающая мать.

– Не сдавайся в любви, моя дорогая Элоди, – говорила она сквозь слезы. – Не очерствей сердцем, как это случилось у меня. Храни любовь в своей душе. Откройся навстречу любви,

даже если обстоятельства кажутся невозможными. Доверься любви. И не бойся проиграть. Ведь даже если ты проиграешь, любовь останется жить, – мать приложила руку к своему слабеющему сердцу. – Она будет жить вот здесь. Любовь не умирает. Она живет.

– Это слова моей матери, они меня утешают, – объяснила Элоди графу. – Они меня направляют.

Люк улыбнулся.

– Я бы хотел купить цветы.

Девушка кивнула.

– Хотите маленькую бутоньерку, месье? Я сейчас подберу...

– Я бы хотел купить все цветы в вашей тележке.

Элоди покачала головой.

– Вы шутите...

– Я абсолютно серьезен.

– Но что вы станете делать с таким количеством цветов? – засмеялась Элоди. – Сегодня в моей тележке их несколько сотен. Гиацинты, розы, левкой, душистые летние пионы.

– Я хочу купить их для вас, – сказал Люк.

– Для меня? – изумилась Элоди.

– Для вас, – подтвердил граф, – чтобы вы могли сегодня не работать и прогулялись по Парижу, наслаждаясь солнцем.

Он вложил ей в руку стопку банкнот.

– Пройдетесь со мной?

Женевьева, цветочница и подруга Элоди, наблюдала за происходящим со стороны.

– Иди, – с улыбкой сказала она. – Я присмотрю за твоей тележкой.

– Идемте? – Люк предложил Элоди руку.

У нее не осталось выбора. Она приняла ее.

Глава 1

2021 Пайк-стрит, квартира 602, Сиэтл

24 декабря 2012 года

Пытаясь открыть почтовый ящик, я придержала Сэма, моего золотистого ретривера. Швейцар Бернارد оторвался от сортировки пакетов и опустился на колени рядом с Сэмом, чтобы почесать его за ушами.

– Доброе утро, Джейн, – поздоровался Бернارد, глядя на меня снизу вверх и улыбаясь. – Вы слышали? Сегодня ночью ожидается снег, выпадет не меньше четырех дюймов.

Я вздохнула. Мы не получим цветы вовремя, если дороги покроются льдом. Я достала из ящика стопку писем и поздравительных открыток и отошла к большим окнам, выходящим на улицу, украшенным к Рождеству гирляндами лампочек. Сэм тем временем обнюхивал рождественскую елку в углу. Я оглядела Пайк-плейс. Рыночная площадь только-только просыпалась. Из трубы булочной шел дым. Торговцы свежей рыбой приплясывали на булыжниках мостовой возле своих лотков. Стайка любопытных туристов с зонтиками в руках (туристы *всегда* носят с собой зонтики) остановилась на противоположной стороне улицы, чтобы сфотографироваться. Они спугнули чайку, сидевшую на уличном указателе. Птица с недовольным криком улетела прочь.

– Смотрите, это снеговые облака, – сказал Бернارد, кивком указывая на окно.

– Откуда вы знаете?

– Идемте со мной. – Бернارد встал и вышел через двойные двери на улицу. Я последовала за ним. – Позвольте мне дать вам небольшой урок, посвященный облакам.

Я почувствовала прикосновение ледяного воздуха к лицу, вдохнула аромат молотого кофе и морской воды, душистый и соленый одновременно. Сиэтл. Сэм приветливо помахал хвостом, когда проходящая мимо женщина протянула руку, чтобы его приласкать.

Бернارد указал на небо.

– Видите эти облака? Они называются перисто-слоистыми.

– Перисто... какие?

Швейцар усмехнулся.

– Эти облака обязательно появляются перед снежной бурей. Посмотрите, какие они тонкие и волнистые, похожи на выпавший снег.

Я с любопытством изучала облака, как будто они могли содержать послание, написанное метеорологическими иероглифами. Возможно, я смогу расшифровать язык облаков, если буду смотреть на них достаточно долго.

– А теперь взгляните вон туда, вдаль над заливом, – Бернارد указал на далекие облака, нависшие над бухтой Эллиотт. – К нам приближаются снеговые облака. Они тяжелее и темнее. – Швейцар помолчал и приложил руку к уху. – Послушайте. Вы слышите это?

Я покачала головой.

– Что именно?

– Установилось какое-то необъяснимое затишье, – объяснил Бернارد. – Все звуки как будто приглушены.

Сэм уселся на тротуаре у моих ног.

– Думаю, вы правы, – ответила я. – Утро на удивление тихое.

Я снова посмотрела в небо, но на этот раз присмотрелась внимательнее.

– А вы когда-нибудь различаете в облаках что-то еще, Бернارد? Картины? Лица?

Он усмехнулся.

– Конечно, я кое-что вижу. Но то, что вижу я, может отличаться от того, что видите вы.

В этом смысле облака обманчивы.

Бернارد надолго погрузился в молчание.

– Думаю, они показывают нам то, что мы *хотим* видеть, – наконец произнес он.

Он был прав. Я как раз кое-что увидела, и это меня напугало. Я тряхнула головой.

– Тогда я не скажу вам, что вижу, иначе вы станете смеяться надо мной.

Бернارد улыбнулся краем губ.

– А что видите *вы*? – спросила я.

– Сэндвич с ростбифом, – усмехнулся он и потянулся к карману. – О, я едва не забыл.

Это письмо для вас, – объяснил Бернارد, протягивая мне розовый конверт. – Почтальон случайно положил его в почтовый ящик миссис Кляйн.

– Спасибо, – поблагодарила я и сунула письмо в карман. Остальную почту я отправила в сумочку. Это были по большей части нежеланные рождественские открытки. Идеальные, счастливые, улыбающиеся в камеру лица. Стоит ли говорить об обманчивости облаков?

– Веселого Рождества, – пожелал Бернارد. Сэм натянул поводок.

– И вам веселого Рождества, – ответила я. Слова эхом отдались в моей голове. *Веселого Рождества*. Я не чувствовала никакого веселья. Правда, так всегда бывало в это время года.

Мы с Сэмом свернули за угол, и я кивнула Мелу, владельцу киоска с газетами на Пайк-плейс. Он подмигнул и указал на омелу, свисавшую с тента.

– Как насчет того, чтобы поцеловать старину Мела?

Я сделала вид, что смущаюсь, и глупо усмехнулась. Мел нахмурился.

– Даже в канун Рождества, Джейн?

Я нагнулась и быстро клюнула его в щеку.

– Пожалуйста. – Я улыбнулась. – Довольны теперь?

Мел вцепился в щеку и разыграл скрывающий лицо паралич.

– Лучший день в моей жизни, – сказал он. Ему было почти семьдесят, и сорок лет или даже больше он продавал газеты. Этот лысеющий мужчина маленького роста с пивным животом флиртовал с каждой женщиной на рынке, а вечером отправлялся в свою крошечную квартиру, расположенную в двух кварталах от площади, выше на холме, где он жил в одиночестве.

– Моя Адель любила канун Рождества, – сказал Мел. – Она любила омелу. На Рождество у нас всегда был настоящий праздник – жареное мясо, елка, иллюминация.

Я положила руку на его рукав. Хотя его жена умерла восемь лет назад, Мел говорил о ней так, словно утром они вместе завтракали.

– Я знаю, как вам ее не хватает.

Мел взглянул на облака. Интересно, что он в них видит?

– Каждый проклятый день, – пробурчал он. Я увидела печаль в его глазах, но это выражение сразу изменилось, когда к киоску подошла женщина лет семидесяти. Она была высокого роста и возвышалась над Мелом, словно небоскреб Коламбия-Центр над невысоким зданием на углу Четвертой авеню и Пайк-стрит по соседству. У женщины были серебристо-седые волосы и точеные черты лица. Элегантная, с ниткой жемчуга на шее, она определенно была красавицей в молодости.

– У вас есть «Таймс»? Лондонская «Таймс»? – спросила она тоном, выдающим разочарование. Голос у нее оказался резким и властным, и я услышала в нем характерный британский акцент.

Я наблюдала, как они смотрят друг на друга, и перед моими глазами появился туман, со мной иногда такое случается. Я протерла глаза. Мел радостно улыбнулся своей чопорной покупательнице.

– «Таймс»? – воскликнул он. – При всем должном уважении, мэм, мы в Сиэтле, а не в старой доброй Англии.

Глаза женщины сузились.

– Что ж, в каждом достойном газетном киоске следует иметь эту газету. Это единственное издание, которое стоит читать. – Она обвела взглядом ряды таблоидов и газет. – Сейчас столько мусора...

Мел приподнял одну бровь и посмотрел на меня, а женщина, подняв воротник своего тренча, быстрым шагом зашагала прочь мимо нас.

Мел как будто застыл на мгновение, но потом улыбнулся.

– Снобы! – произнес он. – Богатые люди полагают, что мир принадлежит им.

Я посмотрела через плечо, снова протерла глаза, стараясь не размазать свежую тушь на ресницах, и только тут вспомнила о том, что на следующий день у меня назначена встреча с доктором Хеллер, которую я посещала большую часть моей жизни. Англичанка скрылась за углом.

– Возможно, она просто несчастна, – предположила я. – Моя бабушка всегда говорила, что люди не хотят быть грубыми, это их печаль заявляет о себе.

Я вдруг вспомнила тот день в детстве, когда я впервые встретила с глубокой печалью и в первый раз заметила, что с моим зрением что-то не так. Мне было четыре года. Я стояла в дверях маминой спальни. Мама сидела на краю кровати, ссутулившись и закрыв лицо руками. Она плакала. Занавески были плотно закрыты, стены тонули в темноте. Отец склонился над ней, умоляя простить его. У него в руке был чемодан, и он собирался уехать в Лос-Анджелес следом за женщиной, с которой он не так давно познакомился. Папа сказал, что хочет на ней жениться. Папа влюбился и разбил маме сердце.

Я не помню лицо моего отца, как не помню точно и тех слов, которыми мои родители обменялись в то дождливое утро в Сиэтле. Я не забыла только глубокую печаль моей мамы. А когда папа положил руку ей на плечо, как будто говоря: «Пожалуйста, прости меня», я сильно моргнула. Мне тогда показалось, что перед моими глазами повисло облако, но это не были слезы. Облако появилось откуда-то из глубины моего существа. Я помню, как отступила назад, начала тереть глаза и, спотыкаясь, вышла в коридор. Там я и ждала до тех пор, пока папа не вышел из спальни. Если он и собирался попрощаться со мной, то почему-то этого не сделал. Вот так папа оставил нас: моего брата Флинна, который ни о чем не подзревал и смотрел в этот момент телевизор; меня, сбитую с толку и почти ослепшую в коридоре; маму, плачущую так громко, что я боялась, как бы она не умерла.

Мне хотелось подбодрить ее, поэтому в то утро я принесла ей чашку кофе. Мои руки дрожали. Я сотню раз видела, как мама мелет зерна, кладет их во френч-пресс, поэтому набралась храбрости проделать все это самостоятельно. Но видела я по-прежнему плохо, поэтому я все сделала неправильно. Мама сразу же мне об этом сказала.

– Что это? – резко спросила она.

– Я сделала тебе кофе, – пискнула я.

Она посмотрела в чашку, покачала головой, потом медленно подошла к раковине на кухне и вылила содержимое чашки.

Я сдерживала слезы, глядя, как она возвращается в спальню. Папа подвел маму. И я тоже ее подвела. Часом позже пришла бабушка и объяснила, что печаль может управлять нашим поведением. Я никогда не забывала ни этих слов, ни того, как бабушка позвала маму и они вдвоем повезли меня в больницу, когда я им сказала, что я все еще плохо вижу. После томографии, которая ничего не показала, мне сделали укол, от которого я расплакалась, и

я отправилась домой с вишневым леденцом в руке. После этого мы никогда не говорили о папе. И даже теперь, сколько бы я ни старалась, я не могла представить его лицо. Перед моим мысленным взором оно по-прежнему оставалось темным пятном.

* * *

Мел пожал плечами и разрезал упаковку на пачке газет.

– Что ж, я иду в магазин, – продолжала я. – Сегодня день будет хлопотным. В прошлом году Ло придумала цветочную композицию из пуансеттий, плюща и шиповника. Клянусь, каждая светская дама в этом городе захочет четыре штуки для своего праздничного стола. – Я вздохнула. – Разумеется, в этом нет ничего плохого. Но это означает, что к концу дня мои пальцы скует артрит.

Я подняла руки и растопырила пальцы.

– Не работай слишком много, Джейн. Я беспокоюсь за тебя.

– Мне нравится, что вы обо мне беспокоитесь, – сказала я и медленно улыбнулась. – Уверяю вас, моя жизнь не заслуживает никакого беспокойства. Я встаю и отправляюсь в цветочный магазин, потом возвращаюсь домой. Все просто, никаких драм. Незачем вам волноваться.

– Дорогая, именно *поэтому* я за тебя и беспокоюсь, – не успокаивался Мел. – Я бы хотел, чтобы ты дала волю своим чувствам, нашла себе кого-нибудь.

Я улыбнулась по-настоящему и погладила по голове своего пса.

– У меня уже кое-кто есть. И это Сэм.

Мел улыбнулся мне в ответ, а я, прощаясь, помахала ему рукой.

– Я хотел бы познакомить тебя с одним торговцем рыбой. Его зовут Рой. Я с ним вчера познакомился. Он бы мог время от времени готовить тебе вкусную рыбу на обед.

– Ай-ай-ай, Мел! – Я округлила глаза, засмеялась и повела Сэма вдоль по улице к пекарне «Мерриуэзер». Элейн помахала мне рукой из-за прилавка. Ее темные волосы были собраны в аккуратный «конский хвост» на затылке. На щеке остался след от муки.

– Доброе утро, – поздоровалась я. Сэм встал на задние лапы, положил передние на прилавок, ожидая, чтобы Элейн угостила его собачьим печеньем. В пекарне пахло жженым сахаром и только что испеченным дрожжевым хлебом. Иными словами, как в раю.

Элейн, представительница уже третьего поколения владельцев пекарни, подружилась со мной, когда я унаследовала бабушкин цветочный магазин пятью годами ранее. Нас сблизил любовь к круассанам с шоколадом и белым пионам. Мы продолжаем регулярно ими обмениваться. Теперь же она смахнула пот со лба.

– За последний час мы приняли сорок девять заказов на пекановый пирог. Пожалуй, сегодня вечером мне не удастся уйти домой.

На двери звякнул колокольчик. Я обернулась и увидела, что в пекарню входит Мэтью, муж Элейн.

– Дорогой! – прошептала она. Мэтью, архитектор со следами былой красоты, подошел к нам и перегнулся через прилавок, чтобы чмокнуть жену в щеку. Эта пара жила так, что заставляла окружающих немного им завидовать. Двое прекрасных детей, дом на Хэмлин-стрит над каналом Монтлейк с прекрасным цветником перед входом и курятником на заднем дворе, благодаря которому у семьи всегда были свежие органические яйца.

– Тебе удалось купить набор «Лего», который так хочет Джек? – спросила Элейн, крутя обручальное кольцо на пальце.

– Вот он, – сказал Мэтью, поднимая пакет над прилавком. – И еще я купил для Эллы пупса, о котором она только и говорит.

Элейн шумно выдохнула.

– Замечательно, иначе Рождество не было Рождеством. – Она повернулась ко мне. – Этот мужчина – мой спаситель.

Мэтью просиял.

– Слушай, а ты уже познакомилась с новым соседом? – спросил он.

Элейн покачала головой.

– Я заходил к нему сегодня утром, – продолжал Мэтью. – Его жена умерла в прошлом году. Он только что переехал сюда из Чикаго. Я подумал, что мы могли бы пригласить его к нам завтра на рождественский обед.

– Конечно, – согласилась Элейн. – Если ты считаешь, что он захочет прийти.

Мэтью пожал плечами.

– Парень только что приехал в наш город. Уверен, что он никого здесь не знает. И потом, его дочка почти одного возраста с Эллой.

Элейн всегда приветлива и радушна, но Мэтью обладает этими качествами в удвоенном варианте. В День благодарения я сидела за столом напротив коллеги Мэтью, который только что развелся, мужчины с пивным животом и вечно хмурым лицом. Элейн отвела меня в сторону и пожаловалась, что Мэтью пригласил бы на обед каждого третьего жителя Сиэтла, если бы ему дали волю.

– Ладно, – улыбнулась Элейн. – Передай ему, что мы будем рады видеть его вместе с дочкой.

Мэтью кивнул и повернулся ко мне.

– Какие планы на Рождество? Ты же знаешь, Джейн, что мы тебе всегда рады. Кто знает, вдруг у тебя с нашим новым соседом что-нибудь получится.

Он подмигнул мне, я округлила глаза.

– Ты не исправим, Мэтью.

– Дорогой, – вмешалась Элейн, – оставь Джейн в покое. Она не нуждается в сватовстве Мэтью Коулмана.

Он засмеялся.

– И потом, – тоже с улыбкой продолжала Элейн, – ты забыл, что Рождество это еще и день рождения Джейн.

Я состроила гримасу.

– Да, мне не повезло, мой день рождения совпадает с Рождеством. К счастью, у меня получается пережить оба праздника сразу.

Элейн нахмурилась.

– Какая же ты ворчунья!

Я пожала плечами.

– 25 декабря я перехожу в режим выживания. Ты об этом знаешь. Это не просто.

– Тогда позволь мне хотя бы принести тебе что-нибудь для выживания, скажем, кекс, – продолжала Элейн. – Ты отказываешься от этого каждый год.

– Пожалуйста, не надо, – попросила я. – Честное слово, я лучше закажу еду на дом и буду смотреть подряд все серии «Скандала».

– Звучит не слишком весело, – погрустнела Элейн. – И кто доставляет еду на дом в Рождество?

– «Тайская вкуснятина», – улыбнулась я. – Они открыты круглый год. Видишь? У меня все продумано.

Элейн вздохнула.

– Ну хотя бы подари себе букет цветов.

– Это я, пожалуй, могу сделать, – улыбнулась я.

– Как идет бизнес? – поинтересовался Мэтью.

– Отлично, – ответила я. – Можно даже назвать это бумом.

Если в моей жизни и было что-то постоянное, то это цветы. Моя бабушка Розмари открыла магазин «Цветочная леди» на рынке Пайк-плейс в 1945 году, вскоре после войны. Когда в 1980-х годах бабушкины пальцы изуродовал артрит, моя мама Энни стала хозяйкой магазина и владела им до самой смерти. Она умерла, когда мне было восемнадцать. Пока я училась в колледже, магазин держала на плаву мамина помощница. Потом за дело взялась я.

Я выросла в этом магазине. Я подметала листья и лепестки, сидела за кассой и даже помогала бабушке составлять букеты.

– Ты прирожденный флорист, – снова и снова повторяла мне она. – Мы умеем достучаться до людей, заставить их почувствовать красоту.

Полагаю, бабушка была права. У мамы тоже был этот дар. Мы уже родились со знанием того, как подобрать розы и фрезии так, чтобы помочь мужчине сказать женщине о своей любви. Мы умели соединить хризантемы и желтые тюльпаны, чтобы они выражали искреннее раскаяние.

В это время года я всегда тосковала о маме. Она любила Рождество и к этому дню украшала нашу квартиру так, что в ней не оставалось свободного места, всюду были гирлянды из кедра и вечнозеленые букеты. Она никогда не соглашалась поставить маленькую елочку. Несмотря на недостаток места, мы всегда притаскивали с рынка самую большую благородную ель из всех, имевшихся в продаже.

Рак у мамы заявил о себе как-то совсем неожиданно. В каком-то смысле это было благом, потому что долго она не страдала. Между диагнозом и ее смертью прошло всего несколько недель. Мне не хватило времени спросить ее о том, о чем мне нужно было ее спросить: о жизни и о любви. Я оказалась лицом к лицу с неотвратимой потерей самой главной женщины в моей жизни, подавленная мыслью о том, что мне нужно успеть усвоить ее житейскую мудрость за несколько оставшихся дней.

В день ее смерти я собиралась с утра принести ей цветы, как делала это каждые несколько дней. Но врач позвонил мне в шесть утра. Он сказал, что я должна немедленно приехать, поскольку маме осталось жить всего несколько часов. Я приехала в больницу с пустыми руками, мучаясь мыслью о том, что вот-вот потеряю своего самого дорогого человека, и сожалея, что рядом с ней в эти минуты не будет ее любимых цветов.

Сидя в маминой палате, я услышала стук в дверь. На пороге появилась молодая женщина с бейджилом волонтера. Она робко улыбнулась и прошептала:

– Прошу прощения. Моя руководительница велела отнести эти цветы вашей маме.

В тот момент я даже не задумалась о том, откуда мама знает руководительницу добровольных помощников. Мне это казалось несущественной деталью. И потом, мама заводила друзей очень легко и при любых обстоятельствах, даже на пороге смерти.

– Спасибо, – поблагодарила я и взяла вазу с удивительным сочетанием цветов бледно-зеленых оттенков. – Очень изысканный букет. У вашей руководительницы потрясающий вкус. Прошу вас, передайте ей нашу благодарность.

Мама улыбнулась, увидев вазу. Она прошептала хриплым голосом:

– Последний раз я видела такую композицию, когда была здесь, в этой больнице. Тогда я только что родила тебя, моя дорогая.

По щекам мамы снова покатались слезы.

– Но знаешь что? Я так и не узнала, кто прислал эти цветы. В букете не было карточки.

Я до сих пор помню, с каким трудом сдерживала слезы, глядя на маму, которая трясущейся рукой попыталась коснуться одной из зеленых роз в вазе, чьи лепестки были такими же прозрачными, как и ее бледная кожа.

Вспоминая то октябрьское утро, когда мама умерла, я все время видела ее лицо: выражение глаз, желание задержаться в этом мире хотя бы еще на несколько минут. Потом в

палату вошел врач и попросил меня выйти с ним для разговора наедине. Мне не хотелось оставлять маму. Каждая секунда была драгоценной.

Но мама улыбнулась и в последний раз обратилась ко мне:

– Моя дорогая Джейн, у тебя всегда были глаза цвета молодой зелени, – мама коснулась рукой моей щеки. – Как первые листочки на деревьях, как цветы в этой вазе. Ты особенная, моя красавица-дочка. Ты уникальная.

Из моих глаз хлынули слезы. Я не могла больше сдерживаться.

– Иди, поговори с врачом, – мама махнула рукой в сторону двери. – И принеси мне кофе, пожалуйста, – она улыбнулась. – И никакого растворимого. Только эспresso. Я хочу в последний раз почувствовать вкус настоящего кофе.

– Я сейчас вернусь, – пообещала я, – я только на минуту.

Я легко коснулась пальцами маминой щеки. Но когда я вернулась с чашечкой двойного эспresso, мама уже умерла.

Мэтью поцеловал Элейн и помахал мне рукой.

– Веселого Рождества, – пожелал он, и тут в моем кармане зазвонил телефон.

– Веселого Рождества, – с улыбкой ответила я и достала аппарат. Звонил мой старший брат Флинн.

– Привет, – сказала я.

– Привет, – голос брата звучал грустно. Это было типично для моего братца-меланхолика. Мама говорила, что таким же был и наш отец. Если для меня смысл жизни составляли цветы, то для Флинна – искусство. Он был художником, пользующимся определенной известностью на Северо-Западе. Он открыл свою галерею несколько лет назад, чтобы окружить себя такими же служителями искусства. Предприятие оказалось удачным. Оно приносило прибыль и помогло ему стать признанным лидером артистической богемы Сиэтла.

И мой брат по-прежнему был красавцем. Если хотите знать мое мнение, то Флинн всегда был слишком красивым. Пока мы росли, все мои подруги в него влюблялись. И это происходило до сих пор. Флинн был неотразим со своими густыми темными волосами и легкой щетиной на подбородке. Ему уже исполнилось тридцать пять лет, но у него не было ни малейшего желания остепениться. Я даже не уверена, любил ли он когда-нибудь женщину по-настоящему. В жизни Флинна всегда было *много* женщин.

– Зачем звонишь?

– Просто чтобы поздравить тебя с днем рождения, вдруг завтра забуду.

– Ну ты и наглец, – улыбнулась я.

– Согласен. Но я хотя бы о нем вспомнил, пусть и на день раньше.

– Что ж, спасибо тебе, старший брат.

– Ты придешь на мою новогоднюю вечеринку?

Я вздохнула. Каждый год Флинн устраивает празднование Нового года в своем лофте в Беллтауне, и каждый год я прикладываю массу усилий, чтобы на эту вечеринку не попасть. В обществе знакомых моего старшего брата я чувствую себя совершенно чужой: анорексичные на вид женщины в обтягивающих платьях, мужчины с покрытыми татуировками руками и множество курящих людей, сгрудившихся на балконе.

– Не знаю, Флинн.

– Брось, ты должна прийти. Может, познакомишься с кем-нибудь.

– Познакомлюсь? Вот этого мне как раз совершенно не нужно.

– Джейн, а ты никогда не думала о том, что отношения могут пойти тебе на пользу?

– Мой дорогой старший брат, – ответила я, – пусть мы родственники, но я скроена совершенно иначе. Чтобы быть счастливой, мне не требуется присутствие другого человека.

– Блефуешь, – не поверил мне Флинн. – Всем это нужно.

– И кое-кому каждый вечер необходим новый человек.

– Ладно тебе, – проворчал он.

– И с кем ты теперь встречаешься? У тебя все наладилось с... Как же ее звали?

– Лиза?

Я посмотрела, как Элейн ставит в упаковочный ящик лимонные пироги, украшенные веточками лаванды.

– Мне казалось, что ее зовут Рэйчел, – сказала я.

– Она была до Лизы.

– Ну вот, видишь? – засмеялась я.

– Просто приходи на мою вечеринку, Джейн, пожалуйста.

– Я подумаю об этом, – ответила я.

– Хорошо.

Я послала воздушный поцелуй Элейн, и мы с Сэмом вышли на улицу и свернули за угол. Мой цветочный магазин расположен неподалеку. При виде его старомодных окон с переплетами и изумрудно-зеленого навеса на сердце у меня всегда становится тепло. Моя помощница Лоиза – или просто Ло – уже выкатила на тротуар тележки с цветами. Праздничные букеты манили прохожих. Я заметила, как одна женщина подняла композицию из красных роз и еловых веток к лицу и понюхала. Я улыбнулась про себя. Кому нужна любовь, если есть работа, приносящая радость?

– Доброе утро, – поздоровалась я с Ло. Она подняла голову от кассы и чуть подтолкнула к переносице очки в темной оправе. Мы познакомились в колледже на занятиях по геологии и сошлись на том, что камни нагоняют на нас сон. Поэтому мы помогали друг другу не заснуть по вторникам и четвергам после ланча на уроке в час дня, так как курс был посвящен исключительно известнякам и тектоническим плитам. Каким-то чудом нам обоим удалось закончить семестр с оценкой Б-минус.

– Ненавижу пуансеттии, – театральным шепотом произнесла Ло.

Я повесила куртку на крючок в задней комнате и потянулась за фартуком.

– Я тоже, – ответила я, глядя на список заказов на экране компьютера. – Но ты только посмотри на это. Вполне возможно, это будет наш самый прибыльный рождественский сезон. – Я засучила рукава. – Давай-ка поработаем.

– При наилучшем стечении обстоятельств мы закончим к пяти часам, и я успею к шести часам на свидание, – протянула Ло.

– Свидание в канун Рождества? Ло!

– Почему нет? Кто хочет остаться в одиночестве накануне Рождества?

По самым скромным оценкам, Ло могла бы быть (а) безнадежным романтиком, (б) гением свиданий или (в) зависимой от любви. Количество мужчин в ее жизни зашкаливало, но она, как, впрочем, и Флинн, как будто никак не могла найти удовлетворения от своих побед. Со временем я поняла, что Ло получает удовольствие от игры, от этой погони за любовью. Я решила, что Ло нравится не сама *любовь*, а идея любви.

– Да ладно тебе, Ло, – сказала я. – В том, чтобы быть одному в рождественскую ночь, нет ничего плохого. И потом, ты всегда можешь прийти ко мне.

Ло лукаво улыбнулась:

– Если все пойдет так, как я надеюсь, то вечер я проведу в доме Эрика.

– Знаешь, в этом году в твоём рождественском чулке окажется уголь, – я покачала головой.

– О, у меня отличные отношения с Сантой, – хмыкнула Ло.

Я открыла кассу, посмотрела на деньги и произнесла с неприкрытым сарказмом:

– Ну да, конечно, потому что он твой *бывший бойфренд*.

Ло рассмеялась.

– Это невозможно. Я не встречаюсь с мужчинами старше сорока двух лет, помнишь?

– Ах да, я и забыла о твоих правилах. – Я проглядела стопку вчерашних чеков. – Ты любишь писать, так почему бы тебе не написать книгу о свиданиях?

– Что-то вроде мемуаров?

Я кивнула.

– Или ты можешь вести ток-шоу на радио. Его называли бы «Ло о любви».

– Я уже думала об этом. У меня много материала.

Зазвенели колокольчики у входа. Пожилой мужчина вошел в магазин и остановился, разглядывая композиции у окна. Поначалу я его не узнала, но когда он повернулся к нам с Ло, мы с ней переглянулись.

– Это Жуткий Рождественский Покупатель, – шепнула Ло. Я кивнула.

Честно говоря, эпитет *жуткий* не слишком подходил этому человеку. Скорее он был *необычным*. В его появлении было нечто загадочное. Он приходил в мой магазин каждый год в канун Рождества, заказывал самую дорогую композицию из цветов, произносил не более пяти слов и оставлял огромные чаевые.

– Он похож на человека, который убил свою жену и держит ее расчлененное тело в морозильной камере в подвале, – как-то сказала о нем Ло.

– Нет, – ответила я ей тогда. – Он просто выглядит одиноким.

– Не знаю, – не согласилась со мной Ло. – Мне не нравится то, как он на тебя смотрит.

Полагаю, именно поэтому я сделала паузу в это утро, как делала ее в каждый канун Рождества в предыдущие годы. Этот пожилой покупатель смотрел только на меня, не на Ло.

Глубоко вздохнув, я улыбнулась ему, пока он, слегка хромая, подходил к прилавку. Одет он был в дождевик и брюки цвета хаки.

– И снова здравствуйте, – осторожно произнесла я, – вы снова у нас в канун Рождества.

Мужчина кивнул.

– Вы хотите вашу обычную композицию?

Он снова кивнул, и я сразу же занялась его цветами, подбирая и подрезая их так, чтобы получился желаемый результат.

– Подойдет? – я показала ему вазу с цветами.

– Идеально, – ответил, не отрывая от меня глаз.

– Вот и хорошо, – легко улыбнулась я, прогоняя наваждение.

– Веселого Рождества, – покупатель протянул мне пачку наличных. Он не улыбнулся, просто долго и пристально смотрел на меня, и мне на мгновение показалось, что в его глазах мелькнула искорка какого-то чувства. Что это было? Печаль? Сожаление? Цветы вызывают у людей эмоции. Воспоминания о любви, обретенной или потерянной, о прошедшем Рождестве, о новом начале и финишной черте, все могут передать лепестки и листья. Возможно, этот мужчина приходил к нам каждый год, чтобы что-то вспомнить.

– Веселого Рождества, – ответила я, когда он уже направлялся к двери. Звякнули колокольчики, мужчина вышел.

Ло заглянула мне через плечо, когда я пересчитывала стодолларовые банкноты за прилавком.

– Тысяча долларов? – недоверчиво уточнила она. – Станный мужик.

Я пожала плечами.

– Он и в самом деле странный, но я не жалуюсь. – Я убрала купюры в кассу. – Теперь мы сможем заплатить за ремонт стекол.

Мы мгновенно забыли о нашем странном покупателе, когда в магазин вошел другой мужчина, за сорок, высокий, с легкой проседью в волосах и мужественными чертами слишком загорелого лица, как будто он проводил слишком много времени на пляже. Но этот образ ему очень шел.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросила Ло, подходя к нему. Он замер, как замирали почти все мужчины в присутствии Ло. Она была красива какой-то старомодной красотой: фарфоровая кожа, темные, идеально прямые волосы (уникальное сочетание, которое она унаследовала от своих предков-басков), полная грудь и тоненькая талия.

Мужчина провел рукой по лбу.

– Да, – быстро сказал он. – Я зашел выбрать композицию к... Рождеству. У нас... много родни в городе. Я подумал, что мы могли бы как-то украсить стол.

Ло улыбнулась и указала на выставленные декоративные вазы с красными розами, белыми тюльпанами и зеленью.

– Выберите что-нибудь из этого, – предложила она. – Они украсят стол, но не отвлекут все внимание на себя.

Мужчина бросил быстрый взгляд на цветы, потом его взгляд снова замер на Ло.

– Вы идеальны... то есть, – он запнулся, – вы отлично разбираетесь в цветах. Идеально.

Ло с широкой улыбкой отнесла композицию на прилавок. Покупатель расплатился.

– Веселого Рождества, – медленно произнес он, прежде чем повернуться к двери.

– Веселого Рождества, – с улыбкой ответила Ло.

Как только мужчина вышел, я уперла руки в бока.

– Ло! Он для тебя слишком стар!

Она сделала вид, что занимается цветами.

– Я знаю, что ты возненавидишь меня, поскольку я собираюсь напомнить тебе о реальности. Этот мужчина *женат*. Только не говори мне, что ты не заметила обручального кольца.

Ло пожала плечами:

– Я не обратила внимания.

– Ты невозможна, – воскликнула я в удивлении и раздражении.

– О, Джейн, перестань строить из себя ханжу. Ты же знаешь, что я не встречаюсь с женатыми мужчинами. – Ло на мгновение задумалась. – Но это могло бы стать интересной главой в моей книге о любви.

Я свирепо посмотрела на нее.

– Шучу, шучу, – быстро отреагировала она.

– Вот и хорошо.

Когда мы вернулись к работе, из динамиков лился голос Бинга Кросби. Элейн предложила мне самой составить для себя букет на Рождество, и я, забыв на время о заказах, которые необходимо было выполнить, потянулась к зеленым розам, стоявшим в ведре за прилавком. К ним я добавила немного зимней зелени. Для меня. Для мамы.

* * *

Без четверти пять я отослала Ло домой, чтобы она успела подготовиться к свиданию. В шесть тридцать Хуан, наш курьер, забрал последние композиции и повез клиентам. После этого я решила, что пора заканчивать работу. Я застегнула молнию на куртке, взяла Сэма на поводок и вышла на тротуар. Там я повесила на руку последний еловый венок, взяла свою композицию из зеленых роз и заперла магазин.

На рынке стояла тишина, но это не была обычная тишина обеденного времени. Это была тишина одиночества. Люди разошлись по другим местам. Они пили горячие напитки у огня каминов, сидели рядом с любимыми. Вокруг царило счастье.

Я вздохнула и направилась к дому. Ну и пусть. Мне не нужно, чтобы в Рождество со мной рядом кто-то был. Я не такая, как Ло. Я не такая, как Флинн. Я не такая, как... все. Мне достаточно Сэма, хорошей книги и бокала вина. А потом я лягу спать. Значение праздников сильно преувеличено, особенно Рождества.

Я прошла мимо газетного киоска и подумала о том, что этим вечером делает Мел. Свет в пекарне «Мерриуэзер» приглушили. Интересно, успела Элейн выполнить все заказы на пироги? Я представила ее в доме на Хэмлин-стрит. Перед ней наверняка стоит большая тарелка с жареным мясом, или индейкой, или с другим блюдом, которое люди едят на Рождество. Она сидит во главе семейного стола и буквально светится от любви. Я прошла к лифту через пустой вестибюль. Бернард ушел домой, и я подумала и о нем тоже. Он наверняка сидит рядышком со своей женой Шэрон и думает о снеговых облаках.

Двери лифта разъехались в стороны, я вошла и нажала кнопку четвертого этажа. Спустя несколько мгновений я уже открывала дверь своей квартиры и входила в темную прихожую. Сэм сразу же принялся лакать воду из миски. А я положила ключи, сняла с руки венок и повесила его на гвоздь на двери со стороны квартиры, а потом поставила вазу с цветами на каминную полку. Мама наверняка поставила бы их именно туда.

– Веселого Рождества, Сэм, – сказала я. Он единственный, кто сможет расслышать нотку грусти в моем голосе, даже небольшую дрожь. Я сунула руку в карман, чтобы достать мобильный телефон, и наткнулась на розовый конверт, который я положила туда утром.

Включив свет в кухне, я посмотрела на незнакомый почерк. Обратного адреса не оказалось. На конверте стоял почтовый штамп Сидла. Мне стало любопытно, я надорвала конверт, прислонилась к рабочему столу и стала разглядывать открытку «С днем рождения». Потом прочла текст:

Дорогая Джейн!

Ты меня не знаешь, но я познакомилась с тобой в день твоего рождения. В тот день ты получила дар, редкий, особенный дар, который из поколения в поколение передается лишь избранным. Благодаря ему ты видишь любовь во всех ее формах так, как не могут ее видеть другие. Но вместе с этим даром приходит и огромная ответственность, а также задание, которое ты должна выполнить до следующего дня твоего рождения, до заката того дня, когда тебе исполнится тридцать лет. Остальное я должна рассказать тебе при личной встрече. Не могла бы ты встретиться со мной в моей квартире на Пайонир-сквер на следующий день после Рождества? Мы выпьем с тобой чаю. Я живу в доме «Уолдрон» на Мейн-стрит, квартира 17. Я буду ждать тебя.

Колетт Дюбуа

Я положила открытку на рабочий стол с такой осторожностью, словно она могла быть заражена сибирской язвой.

Я покачала головой, сняла туфли и подошла к окну в гостиной, выходящему на бухту Эллотт. День был длинным, я очень устала. Вдруг в моей голове прозвучал голос Бернарда: «Ночью ожидается снег, не меньше четырех дюймов... Смотрите, это снеговые облака... Они показывают нам то, что мы хотим видеть».

Небо было темным, но в свете фонарей внизу я увидела кружащиеся в воздухе снежинки. Они уже укрыли улицу тонким слоем.

Я подумала о поздравительной открытке на столе в кухне и загадочных словах: «Вы получили дар... Благодаря ему вы видите любовь во всех ее формах так, как не могут ее видеть другие». Я подумала о том, какой туманной была для меня любовь, какой смутной. И хотя я помогала другим людям выразить любовь с помощью цветов, я сама ничего о ней не знала. Ничего. Я вспомнила своего бойфренда в колледже, который бросил меня ради моей соседки по комнате. Потом был шеф-повар, критиковавший мою стряпню, но изменивший свое мнение после яблочного пирога (его я тайком купила в пекарне «Мерриуэзер»). Или студент-медик, с которым я встречалась две недели в прошлом году. Оказалось, что он встречается одновременно сразу с несколькими женщинами в Сидле.

Я? Тот человек, который может идентифицировать любовь? Кто-то глупо пошутил. Я собралась было немедленно позвонить Флинну и отчитать его за такую шутку. Это было абсолютно в его духе. И если я пойду в квартиру на Пайонир-сквер, то там меня наверняка встретит кто-нибудь из веселых друзей моего брата, готовый пригласить меня на свидание из чувства милосердия. Я поморщилась.

Сэм ткнулся носом мне в ногу, и я почесала его за ухом.

– Мне нужен только ты, пес, – сказала я и снова прижалась носом к стеклу. Снег сыпался с неба, словно мука из огромного небесного сита. И тут я вспомнила то, что разглядела этим утром в облаках. Разумеется, я ничего не сказала Бернару. И я никому об этом не скажу. Но оно было там. Большое, идеальной формы сердце, парившее в небесах, будто воздушный шар.

Глава 2

2201, Хэмлин-стрит

Рождество

Джек и Элла разбудили родителей именно так, как это делает большинство детей в рождественское утро, – с безмерным ликованием. Элейн пришлось вынырнуть из глубокого сна, потому что ребенок радостно заскакал по кровати, его коленка уперлась ей в грудь, а маленькие ладошки похлопывали ее по щекам. Она открыла глаза и изо всех сил постаралась сдержать стон. Солнце еще даже не встало, а накануне Элейн легла в два часа ночи, заворачивая подарки после долгого дня работы в пекарне. Но это было утро Рождества, а всем известно, что в это утро дети командуют парадом. И потом, в кухне стоит кофемашина, которая обязательно сварит ей двойной американо. Элейн зевнула и повернулась к мужу.

– День начинается, – прошептала она и улыбнулась.

Они спустились вниз следом за детьми, и Элейн, как это всегда бывало в тихие моменты в семье – за воскресным завтраком, к примеру, или в редкие вечера вторников, когда дети вместе чистят зубы, – подумала о том, какой идеальной выглядит ее жизнь. Они могли бы позировать для фото, изображая идеальную американскую семью из разряда тех, которые можно увидеть в глянцевых журналах. На таких снимках муж всегда одет в рубашку-поло, он обнимает жену, которая выглядит безупречно в платье с запахом и туфлях на каблуках, а их детишки улыбаются, словно ангелочки. Вот и теперь Элейн смотрела на своего мужа и ребятишек, спускавшихся по лестнице, и у нее снова возникло ощущение, как будто она смотрит на них со стороны. Словно она превратилась в чужую женщину, которая стоит на трех дюймах только что выпавшего снега, протирает запотевшее стекло перчаткой и заглядывает в окно дома, чтобы полюбоваться жизнью идеальной семьи в идеальном мире. Но Элейн не чувствовала себя идеальной, и это ощущение появилось уже довольно давно.

– Ты идешь, Элейн? – окликнул ее Мэтью.

С нее, застывшей у подножия лестницы, как будто слетели чары. Она кивнула.

– Да, – быстро ответила Элейн. – Пусть дети займутся своими подарками, а я пойду сварю кофе.

* * *

Рождественское утро налетело и пронеслось словно торнадо. Часом позже Элейн и Мэтью сидели в окружении смятой оберточной бумаги, а дети разбежались по комнатам играть в игрушки, полученные на Рождество. В доме воцарилась тишина.

Элейн взглянула на свои часы.

– Пожалуй, стоит позвонить Джейн. У нее сегодня день рождения. Как ты думаешь, может, мне стоит настоять, чтобы она пришла к нам пообедать сегодня вечером? Ты уже упоминал об этом вчера, но я знаю, что она боится быть в тягость, поэтому хочу, чтобы она почувствовала себя желанной гостьей. Я...

Мэтью коснулся пальцами губ жены.

– Джейн будет в порядке, – сказал он, его глаза сверкали. – Помнишь день нашей свадьбы?

Элейн и Мэтью поженились в канун Рождества двенадцать лет назад. Венчание состоялось при свечах в пресвитерианской церкви на Пятой авеню. Скамьи были украшены остролистом и ветками кедра, и гости спели вместе с ними «Святая ночь» перед тем, как церемония была завершена.

– Да, – ответила Элейн, вспоминая тот день. На земле лежал снег, и ее белые балетки промокли, пока она поднималась по ступеням церкви. В результате Элейн прошла по центральному проходу босиком.

– Прости, – спохватилась она, – в этом году я забыла о подарке для тебя в честь нашей годовщины.

Мэтью улыбнулся.

– А я не забыл.

Ее муж никогда не забывал о памятных датах. Он помнил чем-то выдающиеся выходные, каждый повод, и отмечал их открыткой, цветами или подарком, не пропустив ни разу.

– Под елкой остался один забытый подарок, – сказал он.

Элейн нахмурилась.

– Ты лучше меня.

– Возможно. – С лица Мэтью не сходила широкая улыбка. Он протянул руку под наряженные ветки и передал жене маленькую белую коробочку, перевязанную красной лентой.

Элейн развязала ее, лента упала на пол. Неужели? Он помнил? Они не раз говорили об этом на протяжении многих лет, но Элейн всего лишь несколько месяцев назад упомянула о своем желании иметь эту вещь. Браслет с шармами был у нее в детстве, но она потеряла его на карнавале, когда ей было двенадцать лет. Она украшала тот браслет с шармами, напоминавшими о разных моментах ее жизни. Крошечный свадебный торт от ее бабушки, садовая лопатка от отца и половинка разбитого сердца от ее лучшей подруги Анжелы. В 1980-х годах такой браслет был почти у каждой девочки, но Элейн потеряла его на одном из аттракционов. Потом она долго искала его, но земля как будто проглотила эту вещицу, а вместе с ней и все ее детские воспоминания. Всю жизнь Элейн надеялась найти ему замену. Неужели Мэтью наконец нашел такой браслет? Неужели он об этом помнил?

Ее глаза наполнились слезами, когда она подняла крышку коробки, сняла два слоя упаковочной бумаги. И... ее сердце упало.

– Красивые, правда? – самодовольно улыбнулся Мэтью, указывая на две антикварные ручки для бюро. Он приобрел их взамен стеклянных ручек, которые дети случайно разбили несколько лет назад, когда пытались «сделать в доме ремонт» с помощью молотка, найденного в гараже.

– Да... очень, – едва выдохнула Элейн. В ее глазах стояли слезы, но она не позволила себе расплакаться и вынула одну из ручек из коробочки. – Идеально.

Мэтью легко поцеловал ее в губы, потом встал и потянулся.

– Пора выпить кофейку, – с этими словами он направился в кухню.

Элейн ненавидела себя за то, что испытывала в эту минуту. Неблагодарная. Идеалистка. Ведет себя как ребенок. Но в глубине души она понимала: внутри ее идеальной жизни, внутри ее идеального дома, внутри ее идеального брака есть какая-то трещина, которую она не может игнорировать. Она чувствовала ее в разные моменты, в серьезные и не слишком. Посмотрев на стеклянные ручки в красивой коробке, Элейн вновь ощутила ее присутствие.

* * *

Звонок в дверь раздался в четыре часа, и в суматохе рождественских хлопот и готовки Элейн почти забыла, что они пригласили гостей к обеду. Она подняла глаза от сладкого картофеля, из которого делала пюре, когда в кухню ворвалась сияющая Элла.

– Мамочка, посмотри, кто пришел! Наши новые соседи!

Элейн слизнула каплю пюре с указательного пальца и посмотрела в прихожую, где у входной двери стояли мужчина и девочка примерно одного возраста с Эллой.

Мужчине было за сорок, он уже начинал лысеть, да и ростом был невысок. Он встретился взглядом с Элейн, она выронила толкушку.

– Позвольте, я подниму, – мужчина бросился к ней.

Они одновременно нагнулись, и их глаза снова встретились.

– Простите. – Мужчина протянул ей толкушку. – Я Чарльз.

– Ах да, вы наш новый сосед. – Элейн улыбнулась. – Добро пожаловать. Как вас называть, Чак или Чарли, или?..

– Просто Чарльз.

– Здравствуйте, просто Чарльз.

Он удивленно покачал головой.

– Забавно.

– Что именно? – спросила Элейн.

– Понимаете... – его голос прервался. – В общем, моя жена сказала то же самое, когда мы с ней познакомились.

В его голосе слышалась печаль.

– О, прошу прощения. Надеюсь, я не...

– Мы были женаты двенадцать лет, а в прошлом году она умерла, – продолжал Чарльз.

Элейн не находила слов для ответа, поэтому она просто промолчала, коснувшись рукой его руки.

– Все в порядке, – пробормотал Чарльз. – Я хорошо справляюсь.

– И я замужем двенадцать лет, – решила признаться Элейн.

Чарльз кивнул.

– Последняя годовщина была тяжелой. Мы всегда придумывали что-то неожиданное, чтобы отпраздновать этот день. Однажды я устроил для нас прогулку на воздушном шаре. За год до ее смерти я нанял струнный квартет, чтобы он исполнил серенаду под окнами офиса, где работала жена.

– Как красиво, – вздохнула Элейн. – Вы так об этом рассказываете, что я представляю себе облака и слышу музыку.

Она почувствовала зависть, вспомнив о том, что Мэтью все эти годы обычно отмечал памятные даты коробкой шоколада и красивой открыткой.

Чарльз посмотрел на миску, стоявшую перед Элейн.

– Моя бабушка обычно готовила сладкий картофель на каждое Рождество, – с улыбкой произнес он.

– С зефиром? – уточнила Элейн.

– Без зефира это было бы преступлением. – Чарльз продолжал улыбаться.

В кухню вошел Мэтью.

– Отлично, что вы уже познакомились. Теперь мы можем открыть вино. Элейн, я говорил Чарли, что он полюбит эту улицу. Мы все здесь не прочь пропустить по стаканчику.

Элейн и Чарльз произнесли одновременно:

– Просто Чарльз.

Мэтью похлопал мужчину по спине.

– Хорошо, Чарльз, – он улыбнулся Элейн. – Она опять читала проповедь о сладком картофеле?

– Ну, я...

Мэтью усмехнулся.

– Я больше люблю пюре из обычного картофеля, – сказал он. – Но ты же знаешь поговорку: счастливая жена, счастливая жизнь, – Мэтью снова похлопал Чарльза по спине. – Так что же заставило тебя переехать в Сиэтл из Хьюстона?

Чарльз хмыкнул.

– «Майкрософт», – ответил он. – В Сиэтле много таких эмигрантов, верно?

– Точно, – согласился Мэтью. – Тогда ты выбрал нужную улицу. Отсюда тебе будет быстро и удобно добираться до работы.

Чарльз кивнул.

– Мне повезло, что я нашел этот дом. Мой риелтор сказал, что пришлось поучаствовать в аукционе.

– А нам повезло в том, что этот дом принадлежал еще бабушке моей жены, – с гордостью заявил Мэтью, обнимая Элейн за талию.

Чарльз улыбнулся.

– Наверное, приятно жить в доме с таким количеством воспоминаний.

– Полагаю, да, – несколько неуверенно согласилась с ним Элейн. – И Мэтью прав, улица у нас превосходная.

Она протянула лопатку с капелькой пюре, чтобы Элла попробовала.

– Но я была бы рада пожить в плавучем доме. – Элейн вспомнила очаровательный плавучий дом ее подруги Ло на озере Юнион.

У Чарльза загорелись глаза.

– Знаете, я всегда об этом мечтал. Люди говорят, что такой дом не подходит для детей, но я с этим не согласен.

– Спасательные жилеты, – снова в унисон произнесли Чарльз и Элейн.

В кухне повисла неловкая тишина, потом Мэтью заговорил снова:

– Чарльз, позволь мне показать тебе, как мы отделали камин прошлой осенью. Думаю, у наших домов одинаковая планировка. Ты тоже сможешь благоустроить свой дом.

Мужчины ушли в гостиную, Элла осталась стоять возле матери, потихоньку таская кусочки зефира.

– Я разрешила Хлое поиграть с моей новой куклой, – сказала она.

– Ты молодец, дорогая, – похвалила ее Элейн.

– Они милые, – продолжала Элла. – Я рада, что они сюда переехали.

Элейн посмотрела в сторону гостиной и вздохнула.

– Я тоже рада.

Глава 3

Едва я открыла глаза, из окна на меня устремился поток сияния. Накануне вечером я заснула на кушетке, и теперь Сэм сидел возле меня, высунув язык. Я потянулась, и мой взгляд упал на наполовину пустую бутылку с вином, стоящую на кофейном столике. Я встала и подошла к окну, за которым лежал покрытый снегом Сизтл. Трое малышей с упоением лепили снеговика на углу улицы. Снежное Рождество.

Я отправилась в кухню, отправила капсулу с неспрессо в кофемашину и стала смотреть, как кофе наливается в маленькую белую чашечку для эспрессо. Сделав первый глоток, я взглянула на розовый конверт со странным посланием внутри, полученный вчера. Нашла телефон и набрала номер брата. После третьего звонка раздался его хриплый, усталый и слегка похмельный голос.

– Алло?

– Флинн, это было не смешно.

– Ты о чем? И который час?

– И тебе веселого Рождества, – раздраженно ответила я.

– Ах да, верно. И с днем рождения тебя.

– В твоей постели сейчас женщина? – спросила я.

– Разумеется, нет, – ответил Флинн, но я слышала женский голос на заднем плане.

– Я всегда знаю, когда ты лжешь, – буркнула я. – Ладно. Я говорила об открытке, которую ты мне отправил. Это не смешно. Неужели ты думаешь, что я во все это поверю? Что я пойду в квартиру, чтобы ты смог меня познакомить с одним из твоих друзей?

– Джейн, – брат сладко зевнул, – я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Я снова посмотрела на открытку.

– В самом деле? Это не ты прислал открытку?

– Нет, – ответил Флинн. – За все эти годы разве я хоть раз присылал тебе открытку с днем рождения?

– Нет, ты этого не делал.

– Что ж, с этим вопросом мы разобрались. – Он снова зевнул. – Может, заглянешь ко мне попозже?

– Не-а, меня ждут у Элейн.

– Что ж, раз ты отказываешься от семьи в Рождество и в твой день рождения, тогда приходи хотя бы на мою новогоднюю вечеринку, – пригласил Флинн. – Обещаешь?

– Я же тебе говорила, что подумаю об этом, – улыбнулась я.

– О'кей. Теперь расскажи мне, что это за история с открыткой.

Я смотрела на указанный в ней адрес. Мейн-стрит.

– Думаю, что это пустяки, – легко произнесла я, но на самом-то деле я думала, что дело тут серьезное. Эта открытка что-то расшевелила во мне с того самого момента, как я ее увидела.

* * *

Я заехала в цветочный магазин, забрала одну из последних композиций из пионов и пуансеттий, а потом отправилась на Хэмлин-стрит. Дом, стоявший неподалеку от университета Вашингтона, принадлежал еще дедушке и бабушке Элейн. После их смерти в него переехали Элейн и Мэтью, они переделали его по своему вкусу. Дом смотрел на серую воду канала Монтлейк. Штормило.

Я припарковала машину, взяла с сиденья сумочку, бутылку вина, бумажный пакет с подарками для Джека и Эллы, подхватила цветочную композицию и посмотрела на дом. Старый колониальный особняк в голландском стиле был замечен внушительным слоем снега. На лужайке перед домом стоял снеговик, и я сразу представила, как Мэтью помогал детям лепить его. Я подумала, как повезло Элейн, что у нее такая жизнь, – идиллическая, словно на старинной гравюре.

Она встретила меня на пороге, обняла и едва не сбила с ног.

– Ты пришла! Я так рада. Я думала, что ты решишь обойтись без нас.

Я улыбнулась, протянула ей вино и цветы.

– У меня есть подарки для Эллы и Джека.

– Дорогая, это было не обязательно, но они будут рады получить подарки от тебя!

– Тетя Джейн, – пропищала Элла. Малышка обняла мои ноги, и я сразу порадовалась тому, что пришла. – У нас новые соседи, – продолжала девочка. – Идем знакомиться с ними!

Я прошла следом за Элейн и Эллой через дом на кухню, где мужчина в сером свитере стоял у плиты и помешивал соус. Элейн улыбнулась.

– Чарльз, это моя самая дорогая подруга, Джейн.

Мэтью улыбнулся.

– И она не замужем.

Элейн пихнула мужа локтем в бок.

– Чарльз, прости моего мужа. Он всегда пытается пристроить одиноких друзей.

Мы с Чарльзом обменялись понимающими улыбками.

– Рад познакомиться с вами, Джейн, – произнес он.

Рядом с ним стояла маленькая девочка, но прежде чем Чарльз успел ее представить, это сделала Элла.

– А это моя новая подруга – Хлоя. Она только что переехала на нашу улицу, и мы с ней будем дружить.

– Замечательно, – порадовалась я и отвернулась от Чарльза. Я наблюдала, как Элейн принялась колдовать над соусом, который размешивал Чарльз, а потом попробовала смесь.

– Нужно добавить еще соли, – вынесла она вердикт, и мужчина тут же передал ей солонку, которую увидел на столе.

У меня перед глазами снова появился туман, и я уже не видела ни Элейн, ни Чарльза. Я отругала себя за лишний бокал вина, выпитый накануне вечером. Но когда Элейн открыла бутылку, которую я принесла с собой, и налила мне вина, я с удовольствием выпила его.

– С тобой все в порядке, дорогая? – спросила Элейн.

– Да, – быстро ответила я. – С глазами опять проблемы, только и всего.

– Сегодня у Джейн день рождения, – объявил Мэтью Чарльзу.

– С днем рождения, – вежливо поздравил он. – Один из моих лучших друзей родился в Рождество. Вы особенные люди.

Он говорил, но не смотрел на меня. Его глаза не отрывались от Элейн, и я видела, что глаза моей подруги светятся так, как я не видела уже очень давно. Она прислонилась к рабочему столу и теребила свой белый фартук, на котором сохранились пятна от многочисленных блюд, приготовленных ею в прошлом.

Мэтью обнял жену за талию и указал на коричневый бумажный пакет на столе в центре кухни.

– Мне пришлось обойти три магазина, пока я нашел муку, которая тебе нравится, – сказал он.

– Ты мой король Артур, – оценила его поступок Элейн, выгружая муку из пакета. – Мэтью знает, что из другой муки я печь не буду.

Я задумалась о деталях брака. Тысячи крошечных фактов, из которых состоит жизнь с другим человеком. У людей уходит целая жизнь, чтобы разобраться в нюансах. Марка муки, или зубной пасты, или мешков для мусора (с завязками или нет), радиостанция в машине. Место на диване, на котором один из двоих чувствует себя уютнее. Мелочи любви, ее мелкий шрифт. Судя по всему, Элейн и Мэтью отлично овладели этим языком деталей.

Элейн бросила взгляд на часы, висевшие на стене кухни.

– Если мне удастся сейчас приготовить тесто для кекса и поставить его в печь, то в пять мы сможем попробовать это блюдо.

Я уселась на барный табурет рядом с Мэтью. Элла и ее новая подруга Хлоя отправились в гостиную, и Мэтью с гордостью посмотрел на жену.

– Элейн готовит знаменитый кекс с оливковым маслом ее бабушки, – объяснил он нам с Чарльзом.

– Должна признать, что вкус у него специфический, – сказала Элейн, – и я не обижусь, если никто не будет его есть. Бабушка пекла этот кекс на каждое Рождество, задолго до того, как выпечка на оливковом масле вошла в моду. Она и сама в детстве получала его на каждое Рождество. Знаешь, какой в нем секретный ингредиент?

Я покачала головой.

– Цитрусы! – объявила Элейн. – Можно класть любой цитрус, но бабушка предпочитала красные апельсины-корольки.

– Мне нравится этот сорт, – сказала я. – У них такой роскошный цвет.

Мэтью улыбнулся Чарльзу.

– А что вы думаете о корольках, сэр?

Было до боли очевидно, что он пытается вовлечь нас обоих в разговор. Но если Чарльз об этом и догадывался, то виду не подавал. Он неожиданно поднял глаза на Элейн и спросил:

– Твоя бабушка была родом с Сицилии?

– Да, – с некоторым удивлением ответила она.

– Моя бабушка тоже оттуда, – сказал Чарльз. – Я ни разу в жизни не встречал человека, который хранил бы эту традицию, за исключением моей матери.

Элейн на мгновение лишилась дара речи, но потом все-таки сумела взять себя в руки.

– Что ж, отлично, – наконец произнесла она. – Ты можешь помочь мне выжать из апельсинов сок.

* * *

После того, как обед был съеден и от десертов не осталось ни крошки, Чарльз и Хлоя пожелали нам хорошего вечера и ушли. Мэтью отправился с детьми в подвал смотреть фильм. Мы с Элейн заново наполнили бокалы вином и уселись на диване у огня в гостиной, где стояла елка.

– Как, по-твоему, это было приятное Рождество? – спросила Элейн, глядя на языки пламени, танцующие перед нами в камине.

– Это было прекрасное Рождество, – ответила я. – Ты сделала его таким.

Моя подруга переменила позу, отпила еще глоток вина, потом повернулась ко мне.

– Знаешь, ты везучая.

– Я? – Мне стало смешно. – Едва ли. Вот тебе действительно повезло.

Элейн покачала головой.

– Джейн, у тебя вся жизнь впереди, и ты можешь сделать с ней все, что захочешь.

Я сморщила нос.

– К тебе это тоже относится. Ты всего на год старше меня.

– Нет, – возразила Элейн. – Я говорю не о возрасте. Я говорю о разнице между замужеством и детьми и возможностями свободной женщины.

Я кивнула и повернулась к огню. Странно было слышать от Элейн такие слова. Ведь я давно считала ее жизнь воплощением совершенства, таким пунктом назначения на дороге к счастью. Дом. Муж. Дети. Жизнь. У нее все это было.

Я коснулась рукой ее плеча.

– В чем дело, дорогая? – спросила я. – Расскажи мне.

Элейн долго молчала, потом вытерла слезинку, взяла с кофейного столика белую коробочку и протянула мне. Я открыла ее и увидела две сверкающие стеклянные ручки, старинные, какие бывают на антикварных туалетных столиках.

– Мэтью подарил мне это на нашу годовщину, – сказала Элейн.

– Что ж, они красивые.

– Ручки, Джейн. Ручки!

Я подумала, что упускаю какую-то важную деталь.

– А... что-то не так с ручками?

Элейн покачала головой.

– С ними все в порядке и не в порядке.

Я понимающе кивнула. Ей незачем было объяснять дальше.

Элейн снова вытерла слезы.

– Ты только посмотри, какой плаксой я стала, – она повернулась ко мне с вымученной улыбкой. – Ненавижу себя за то, что так веду себя в Рождество.

– Представь, что кроме всего прочего это был бы еще и день твоего рождения, – я слегка сжала ее руку.

– Я превратилась бы в развалину.

– Но с тобой этого не случилось, – ответила я.

Элейн кивнула и снова повернулась к камину. Мы сидели молча и смотрели, как трещат и шипят поленья, охваченные пламенем.

* * *

Когда на другое утро я вошла в цветочный магазин, Ло стояла за прилавком.

– Доброе утро, – жизнерадостно приветствовала она меня. – Как я вижу, ты сумела пережить очередной день рождения.

– Ты права, – сказала я, вешая куртку на крючок в задней комнате. Сумочку я положила под прилавок. – Как твое свидание?

– Хорошо, – ответила Ло. – Шампанское «Дом Периньон» с Лорном.

Я подняла брови.

– Лорн? Кто-то новенький?

– Да, он инвестиционный банкир днем и непризнанный поэт по вечерам, – голос моей подруги звучал мечтательно. – Пожалуй, он мне нравится.

Я фыркнула от смеха и повернулась к компьютеру, чтобы посмотреть на поступившие заказы.

– На первом свидании мужчина тебе всегда нравится.

– Разумеется, – парировала Ло. – Они выдыхаются после третьего свидания. И мне становится скучно.

– Ты ведешь себя, как мужчина. Ты знаешь об этом?

Ло пожала плечами.

– Ну и что? Женщинам пошло бы только на пользу, если бы они вели себя, как мужчины.

Иногда меня восхищало отношение Ло к любви, но я переживала за нее и гадала, не слишком ли она увлеклась игрой в надежде стать когда-нибудь счастливой. Я вздохнула, сунула руку в карман джинсов за резинкой, чтобы собрать волосы в конский хвост. Тут-то я и наткнулась на странную поздравительную открытку. Я специально захватила ее с собой, чтобы показать Ло.

– Слушай, – я повернулась к ней, – не могла бы ты оказать мне услугу и прочитать вот это? Я понятия не имею, от кого эта открытка. Уж и не знаю, может, меня кто-нибудь разыгрывает.

Ло взяла открытку и прочитала ее.

– Таких поздравительных открыток мне еще видеть не доводилось, – сказала она.

– Я знаю. И что ты скажешь?

– Почерк почему-то кажется знакомым. – Ло задумалась. – Он напоминает мне о парне, с которым я встречалась в прошлом году. Его звали Тристан. У него был удивительно красивый почерк.

Я округлила глаза.

– То есть ты хочешь сказать, что эта открытка от Тристана?

– Нет. И потом, я бы никогда не позволила тебе с ним встречаться. Он был настоящий Нарцисс. И знаешь, как я это поняла?

Я улыбнулась ей.

– Как же?

– По списку запланированных покупок, – уверенно ответила Ло.

– Список покупок?

– Да, – подтвердила она. – Нарцисса сразу можно вычислить по тому, сколько бумаги он покупает.

– Бумаги?

– Да. Бумажные полотенца, бумажные салфетки, упаковки бумажных носовых платков.

– Ло, ты, должно быть, шутишь, – со смехом сказала я. – Это лишено всякого смысла.

– Поверь мне, это верный признак. Об этом говорилось в одном исследовании. Серьезно, этот парень использовал рулон бумажных полотенец за день. – Ло покачала головой, вспоминая об их знакомстве. – И потом, он писал эти списки своим великолепным почерком. Жаль, что у него не оказалось такого же великолепного сердца в придачу. Так всегда бывает. – Она снова посмотрела на открытку. – Я не знаю, но, пожалуй, стоит все выяснить. Может быть...

– Может быть что?

Ло пожала плечами.

– Может быть, у тебя и в самом деле есть какие-то невероятные способности.

Ее глаза засияли.

– А что, если ты умеешь путешествовать во времени?

Я хмыкнула.

– Только подумай, – продолжала Ло, – ты могла бы взять меня с собой в 2004 год, к тому ослу, который разбил мое сердце. Только на этот раз я не позволила бы ему разбивать мне сердце, я сама разбила бы ему сердце...

Джед Харрисон. Точно. Тот самый человек, из-за которого Ло, возможно, и стала такой, какой была теперь. Она любила его и даже хотела выйти за него замуж. Оказалось, что он уже был обручен с красавицей – дочкой короля недвижимости из Сиэтла. В конце концов, и его любовь стала деловой сделкой. И Ло получила отставку.

– Должна признаться, мне и самой любопытно узнать, что может мне сказать эта женщина, – сказала я.

– Так пойди и проверь, – предложила Ло. – Если хочешь, я могу пойти с тобой, просто чтобы убедиться, что в этом нет никакого подвоха, что тебя не похитят и не отправят в какую-нибудь далекую страну в гарем к шейху.

– К шейху, значит? – Я улыбнулась.

Ло кивнула.

– Ты никогда не слышала о сапиосексуалах?

– Сапио... Как ты сказала?

– Сапиосексуал, – повторила Ло. – Это человек, которого привлекает ум, человеческий разум, интеллект. – Она улыбнулась краешком губ. – Эван называет себя сапиосексуалом. И мне поначалу стало немного скучно. То есть получается, что физически его ко мне не влечет? Но чем больше я об этом думаю, тем лучше понимаю, что это был комплимент. Если бы я писала книгу о свиданиях, думаю, этот опыт я бы в нее включила.

– Ты обязательно напишешь книгу о свиданиях, – сказала я, распечатывая тридцать три новых заказа.

Ло просияла, посмотрев на часы.

– Вот что, давай-ка покончим с работой, а потом отправимся на свидание с этой загадочной женщиной, написавшей тебе открытку. Что скажешь?

– Возможно, – пробормотала я, глядя на розовый конверт на прилавке. От него невозможно было отвлечься, и я почему-то знала, как должна поступить.

* * *

Старое кирпичное здание с улицы выглядело не слишком привлекательно. Я снова посмотрела на открытку, чтобы проверить, не перепутала ли я адрес. Здание «Уолдрон», квартира 17.

– Не знаю, Ло, – с сомнением сказала я. – Думаю, нам не стоит заходить.

– Теперь я ни за что не отступлю, – ответила она. В этот момент мимо нас проходил попрошайка и что-то пробормотал, обращаясь к нам. Ло отмахнулась от него рукой с безупречным маникюром. – Я сгораю от любопытства. Мне хочется выяснить, что за всем этим скрывается.

Я оглядела Мейн-стрит. Пайонир-сквер выглядит гораздо более старым, чем Пайк-плейс, но если вы хотите почувствовать вкус старого Сизтла, то вам, на Мейн-стрит с ее старинными уличными фонарями и туристами, готовыми совершить экскурсию по некогда полному жизни подземному городу.

– А что если это всего лишь розыгрыш?

Ло округлила глаза.

– Тогда мы сразу же уйдем.

– Ладно, – неохотно согласилась я и подошла к двойным дверям здания, украшенным медными накладками, сохранившимися с 1920-х годов. Открывая дверь, я сразу представила себе стайки эмансипе и нарушителей «сухого закона», переступавших через этот порог. В вестибюле пахло духами и плесенью. Я посмотрела на список жильцов на стене и увидела имя Колетт Дюбуа рядом с квартирой номер 17.

Лифт остановился перед нами, двери разъехались в стороны, мы вошли в кабину.

– Знаешь, это просто безумие, – сказала я Ло. У меня вспотели ладони.

– Не бойся, – улыбнулась она. – Мы зайдем на минутку, оглядимся и быстро уйдем, если нам что-то не понравится. Вошли и вышли, о'кей?

– О'кей, – вздохнула я, вот только я совершенно не чувствовала себя о'кей. Мне было страшно и тревожно. Вполне вероятно, сейчас расскажут обо мне то, чего я сама о себе не знаю. Или, того хуже, все это окажется жестокой шуткой.

Оказавшись на пятом этаже, мы прошли по длинному коридору, пока не оказались перед деревянной дверью с изысканной резьбой и изогнутыми медными цифрами 1 и 7. Я негромко постучала. Мне никто не ответил, тогда я постучала громче. За дверью раздался шаг, и мое сердце забилося быстрее.

Повернулась ручка, скрипнули петли. Поток наполненного благовониями воздуха вырвался в коридор, когда перед нами предстала худая женщина с седыми волосами, собранными на затылке в пучок. Когда ее глаза встретились с моими, суровое выражение лица сменилось улыбкой.

– Ах, это ты, Джейн, – произнесла она с сильным акцентом, который я сразу определила как французский. – Я так рада, что ты пришла. Входите, пожалуйста.

Ло вошла следом за мной в квартиру, которая выглядела так, как будто мы оказались в Париже 1890-х годов. Тяжелые шторы из синего бархата не позволяли свету проникнуть через высокие стеклянные окна. В старинных шкафах выстроились безделушки, от фарфоровых балерин до ваз, расписанных сложными узорами. Книжные шкафы от пола до потолка полностью занимали стену справа. Стремянка на роликах позволяла добраться до самых верхних полок.

– Прошу вас, садитесь, – сказала Колетт, указывая на диван, обитый бархатом цвета индиго, с потертыми подушками. – Я приготовлю чай.

Мы с Ло сидели молча, пока она не толкнула меня локтем.

– У меня такое ощущение, будто мы попали в фильм.

– Согласна, – шепнула я. – У меня такое же чувство.

Вернулась Колетт с подносом, на котором стоял дымящийся чайник с чаем и три чашки. Она поставила поднос на кофейный столик, села в кресло напротив нас и сложила руки на коленях.

– Рада видеть тебя, Джейн, – после этих слов Колетт повернулась к Ло. – И кто же тебя сопровождает?

– Это моя подруга Ло, – ответила я, наливая чай Ло и себе. – Я...

– Я рада, что она составила тебе компанию. – Улыбка Колетт увяла. Она посмотрела на Ло, потом снова на меня. – Тебе нужен человек, с которым ты могла бы поговорить.

– Поговорить?

Колетт кивнула.

– Но я обязана спросить. Ты доверяешь ей?

– Разумеется, я ей доверяю, – я говорила так, словно защищалась. – Ло моя давняя подруга.

– Хорошо, – старая женщина удовлетворенно кивнула. – Тогда она должна поклясться, что никогда и никому не скажет того, что услышит сегодня.

Я посмотрела на Ло и с трудом сглотнула. Прежде чем я открыла рот, она поклялась:

– Будь я проклята, если проговорюсь.

При этом Ло подмигнула.

Колетт поджала губы.

– Что ж, ладно, – сказала она. – Джейн, я уверена, что тебе не терпится узнать, почему я прислала тебе такую поздравительную открытку и пригласила тебя сюда.

Я робко улыбнулась.

– Должна признаться, что я несколько смущена.

– И, вероятно, относишься ко всему скептически, – добавила Колетт.

– Честно говоря, да.

– Понимаю. Я отреагировала так же, когда была в твоем возрасте. Но, Джейн, ты должна выслушать то, что я собираюсь сказать тебе, и принять.

Я посмотрела на Ло, которая слушала очень внимательно, потом снова на Колетт.

– И все это, если я соглашусь на ваши условия? – уточнила я.

Колетт встала, подошла к книжному шкафу у дальней стены. Она передвинула стремянку к центру шкафа, поднялась по ней, сняла с самой верхней полки книгу и вернулась к своему креслу.

У нее в руках было старинное издание в кожаном переплете, выгоревшем на солнце. Корешок выглядел потрепанным, по краю расплылось пятно.

– Я расскажу вам историю, – начала Колетт. – Все началось в Париже в 1893 году. – Она сделала паузу и открыла книгу на первой странице. – Там жила бедная, но красивая девушка по имени Элоди. Она торговала цветами на улице в фешенебельном квартале Парижа. Ее тележка стояла напротив дома Люка и Марселины Дюмон, графа и графини Овернских. Марселина отчаянно ревновала Люка, потому что ее муж влюбился в молоденькую цветочницу. Он осыпал ее подарками – меха, драгоценности, – и делал он это на виду у своей жены. Когда Марселина поняла, что Элоди ответила на любовь графа, ее гнев не знал границ, но не потому, что она любила Люка. Нет. На самом деле в сердце Марселины было мало любви. Ее брак был всего лишь деловой сделкой между двумя богатыми парижскими семьями. И все же она ревновала. Однажды на маскараде, куда Элоди должна была прийти по приглашению Люка, Марселина отомстила сопернице. У нее в услужении был один цыган, которого в определенных кругах считали колдуном, способным наслать на человека паралич, сифилис, слепоту или глухоту. Цыган пришел на бал в костюме. Марселина щедро заплатила ему за то, чтобы он причинил вред Элоди. Но когда колдун коснулся ее руки во время танца, он почувствовал незримое присутствие странной и неизвестной силы. Цыган ощутил ауру любви такой мощи, что услышал пение тысячи детей и шепот любви всего города. Стоя рядом с Элоди, он понял, что она источает любовь, огромную любовь.

Я подвинулась к краю дивана.

– Так он сумел заколдовать ее?

Колетт покачала головой.

– Нет, он не смог этого сделать. Колдун не смог себя заставить совершить этот шаг. Элоди была словно роза, воплощенное совершенство, и он не нашел в себе сил проклясть ее. Он поступил иначе.

Я нахмурилась.

– Иначе?

– Цыган наградил Элоди даром.

Я посмотрела на Ло, потом снова на Колетт.

– Он наградил ее даром видеть любовь. С той минуты Элоди могла зайти в комнату или в переполненное кафе и сразу увидеть любовь во всей ее правде и красоте.

Колетт долго смотрела на меня, и я почувствовала, как по моим рукам и спине побежали мурашки.

– У меня тоже есть этот дар, дорогая, – продолжала Колетт. – И у тебя. Дар был передан мне, а я передала его тебе в тот день, когда ты родилась в Шведском госпитале.

Я испугалась.

– Вы принесли зеленый букет. Моя мама помнила вас до дня своей смерти.

– Да. Этот цвет – наследство Элоди. Ее история – это твоя история, и это моя история.

Я покачала головой.

– Я ничего не знаю о любви.

Глаза Колетт встретились с моими и цепко удерживали взгляд.

– Это не так. Это знание в тебе с самого рождения. И ты обязана выполнить определенные условия до твоего тридцатилетия или...

Ее голос прервался.

– Или что? Я превращусь в тыкву?

Колетт положила руку на старинную книгу.

– В этой книге многовековые записи. Когда цыган передал дар Элоди, она была обязана пройти важное испытание, прежде чем вступить во владение этим даром. Чтобы сохранить любовь в своей жизни и видеть ее в жизни других, Элоди предстояло определить шесть типов любви.

– Шесть типов любви?

Колетт кивнула.

– Возможно, ты уже о них знаешь. В шестидесятых годах одна неразумная женщина с нашим даром скопировала одну из страниц книги. В семидесятых годах эта копия попала в руки именитому психологу, и он написал на эту тему бестселлер.

Ло прокашлялась.

– Я слышала об этой книге, – сказала она. – Она называется «Цвета любви», верно?

– Да. – Колетт перевернула страницу старинной книги. – Но людям не известно, что замысел этой книги подсказали вот эти страницы, на которых описаны шесть типов любви.

Она немного помолчала.

– Ты распознала истинную любовь в своей жизни, Джейн?

– Это личный вопрос, и я не знаю, как на него ответить, – ответила я.

Колетт поставила чашку с чаем на кофейный столик.

– Я хотела спросить, видела ли ты любовь в людях, которые близки тебе. Если так, то ты не могла не заметить ее признаков.

Когда я осознала сказанное Колетт, мое сердце забилося чаще. Я сама никогда не влюблялась по-настоящему. Но видела ли я любовь в других? Я постаралась вспомнить, как моя бабушка говорила о дедушке, который умер, когда мне едва исполнилось три года. Она обычно с тоской смотрела на небо и говорила: «Скучаю я по своему парню». А потом я вспомнила мою покойную маму и отца, который ушел от нас, когда я была еще совсем маленькой, поэтому я толком и вспомнить его не могла. Их любовь была сильной и глубокой. Он исполнял для нее серенады, подыгрывая себе на мандолине, стоя под окнами ее квартиры теплыми ночами. Мама много раз рассказывала эту историю, особенно после второго бокала вина. Воспоминания об их любви никогда не прекращали будоражить ее. Они не отпускали маму. И она их не отпускала.

Я повернулась к Колетт и взглядела в ее лицо.

– Как я могу быть уверенной, что видела любовь, если все любят по-разному?

– Ах, моя дорогая, ты права, – ответила она. – Нет одной формы любви. Этим форм шесть, и между ними существует еще множество оттенков.

– «Пятьдесят оттенков любви», – фыркнула Ло.

Я с досадой посмотрела на нее.

– Подождите... Этот дар, которым, по вашим словам, мы обладаем. И вы говорите, что мы не одни такие?

– Да, – подтвердила Колетт. – Нас всего четырнадцать.

– Но как они?.. Что они?..

– Как закончились их истории, это ты хочешь узнать? – Старая женщина кивнула будто бы своим мыслям. В ее глазах появилось сожаление. – Некоторые выполнили свое предназначение, поэтому вели ту жизнь, которая приносила им удовлетворение и радость. Другие этого не сделали. И я не хочу такой участи для тебя, Джейн. Я хочу, чтобы и ты испытала любовь, которую ты видишь в жизни других людей. Я хочу, чтобы ты пережила это сама.

Я покачала головой.

– Но это не так, – возразила я. – Я не могу *видеть* любовь.

– Конечно же, ты это можешь, дорогая, – улыбнулась Колетт. – С самого детства твое зрение временами тебя подводит, не так ли?

– Ну да, – согласилась я. – Но у меня опухоль на глазном нерве. Я хожу к неврологу с раннего детства, и врачи уверены, что близки к пониманию причины этого дефекта.

– Это и есть твой дар, – убежденно сказала Колетт, – а не неврологическое заболевание. Я судорожно глотнула.

– Мне неприятно разочаровывать вас, но мое зрение ухудшается вследствие медицинской аномалии, а не по романтическим причинам.

– Опиши мне то, что с тобой происходит в такие моменты, – попросила Колетт. – Что именно происходит и когда?

Я взглянула на Ло, потом перевела взгляд на Колетт.

– Это случается всю мою жизнь. Я долго думала, что в этом ничего особенного нет и у всех время от времени перед глазами появляется туман. Это беспокоило маму, и она водила меня от одного специалиста к другому. Врачи считали, что виной всему тревога или еще какие-то психологические причины, потому что зрение подводило меня только в присутствии других людей. Этого никогда не случалось, когда я находилась одна. Моя голубоглазая мама пыталась развеселить меня, утверждая, что всему виной мои зеленые глаза. Глаз такого цвета больше ни у кого в семье не было. «Твои глаза похожи на яркие зеленые гладиолусы, – обычно говорила она. – У этих цветов есть и тайное название – лилия-меч, потому что они способны пронзать сердца».

Я снова посмотрела на Колетт.

– У вас тоже зеленые глаза, – удивленно произнесла я.

– Верно. – Колетт сначала улыбнулась и только потом продолжила:

– У всех женщин, обладающих нашим даром, такие глаза.

Я недоверчиво покачала головой.

– Расскажи мне подробнее о том, в какие именно моменты у тебя перед глазами появляется туман, – попросила Колетт.

– Это всегда случается неожиданно, – начала рассказывать я. – Я могу идти по улице, или разговаривать с друзьями, или разглядывать толпу, как вдруг перед моими глазами появляется облако. Многие годы врачи говорили мне, что у меня глазная мигрень. Иногда у меня одновременно начинала болеть голова, но чаще всего это просто туман перед глазами. Порой к нему присоединялось сильное давление изнутри. Это трудно объяснить.

Колетт кивнула.

– И когда это случилось в последний раз?

Я на мгновение задумалась.

– Вчера, в доме моей подруги Элейн и ее мужа Мэтью.

– Ага, – понимающе кивнула Колетт. – И это случилось в тот момент, когда они были вместе?

– Нет. – Я задумалась, вспоминая Элейн, которая готовила рождественский обед в своей кухне. – Она делала пюре из сладкого картофеля и разговаривала с новым соседом. Его зовут... Чарльз.

И в эту секунду я вспомнила тот взгляд, которым они обменялись.

Колетт сцепила пальцы на коленях.

– Теперь ты понимаешь, почему наш дар связан с огромной ответственностью.

Я тряхнула головой.

– Вы же не намекаете на то, что Элейн *влюблена* в своего соседа? Потому что вы ошибаетесь. Они познакомились только вчера. Элейн и Мэтью до такой степени счастливы в браке, что у некоторых это даже вызывает тошноту.

– Наше зрение никогда не лжет, – твердо сказала Колетт. Ее зеленые глаза сверкнули. Они были более глубокого и насыщенного оттенка, чем мои, напоминая цветом изумруд. – То, что ты увидела вчера, правда, как бы тяжело ни было в это поверить.

Я крепко зажмурилась, потом снова открыла глаза.

– Трудно поверить? – повторила я. – Практически невозможно.

– Сама любовь, дорогая, не отличается благоразумием, – продолжала Колетт. – Она по природе своей такова, что всегда путает карты. Почему, к примеру, граф влюбился в цветочницу? Или явно счастливая в браке женщина вдруг почувствовала, что ее тянет к едва знакомому человеку в Рождество на ее же собственной кухне? Любовь не всегда логична, но когда ты ее видишь, не узнать любовь невозможно. Джейн, мы можем *видеть* ее.

На меня нахлынули воспоминания: облако перед глазами, улыбающиеся лица, МРТ, уколы, очки с толстыми стеклами и лекарства. Я снова услышала голос доктора Хеллер: «Ты особенная, Джейн. Я никогда не видела ничего подобного в моей практике».

Я глубоко вздохнула.

– Тебе потребуется время, чтобы это осознать, – сказала Колетт. – Сейчас ты в таком же шоке, в каком была я, когда впервые узнала о моем даре. Но я умоляю тебя постараться понять меня сегодня, потому что от этого зависит твое собственное счастье.

Она вернулась к книге и перелистала несколько страниц.

– Здесь все объясняется. До заката в твой тридцатый день рождения тебе следует определить шесть типов любви. Ты должна увидеть их и записать имена двух людей, а также их историю, для каждой категории. Или...

Голос Колетт прервался. И в эту минуту тишины я почувствовала, как сжалось мое сердце. Что заставило его сжаться? Правда? Понимание?

– Видишь ли, Джейн, если тебе не удастся это сделать, то ты потеряешь способность любить сама. А жизнь без любви... – Колетт замолчала и протянула мне книгу. Она пристально посмотрела на меня. – Жизнь без любви – это, пожалуй, самая худшая судьба из всех, Джейн. Не имеет значения, как ты относишься к нашей встрече, веришь мне сейчас или нет, обещай мне хотя бы подумать о том, о чем мы сегодня говорили. Эрос, Людус, Сторге, Прагма, Мания и Агапе¹. Ты должна найти их. Ты не имеешь права отказаться. Дай мне слово, что ты не откажешься.

Я застыла на месте, поэтому Ло взяла у Колетт книгу и кивнула.

– Не беспокойтесь, – сказала моя подруга. – Я прослежу за тем, чтобы она все сделала.

– Спасибо. – Колетт встала. Мы прошли следом за ней к двери, сняли с вешалки свои пальто. Я заметила возле двери старую цветочную тележку. Такие можно было увидеть в Париже в XIX веке, наполненные ландышами и крупными белыми пионами.

Я протянула руку за книгой, которую держала Ло.

– После того как я... гм... выполню свое задание и запишу имена в книгу, что мне с ней делать?

– Ты будешь ее хранить, – объяснила Колетт, – пока не настанет пора сообщить следующей женщине о ее даре.

– Следующей женщине? Но как я ее найду?

Губы Колетт тронула улыбка.

– В тот день, когда родится эта девочка, ты сразу об этом *узнаешь*. Никаких догадок, никаких сомнений, ты просто будешь это знать, и все. Это случится до заката в день твоего рождения. К этому времени круг уже будет завершен.

¹ Наиболее известная систематизация типов любви принадлежит канадскому психологу и социологу Джону Алану Ли, который описал шесть типов любви и обозначил их греческими терминами. Эрос подразумевает чувство, основанное на физическом влечении при сильном чувственном, сексуальном напряжении. Людус – это разновидность чувства, которое напоминает флирт, без серьезных обязательств. Сторге – любовь, похожая на родительскую (нежность, понимание, любовь-опека). Прагма – уравновешенная и практическая любовь, любящий выбирает партнера, исходя из хорошо продуманных требований к нему. Мания – это бурное и всепоглощающее чувство, ассоциируется с безумием и смятением. Агапе полна альтруизма и обожания, терпелива, постоянна, сосредоточена на партнере. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

Я потянулась к ручке входной двери, но обернулась и еще раз посмотрела на Колетт.

– Послушайте, – сказала я, – я для вас чужая. Почему для вас так важно, чтобы я справилась с заданием? Какое значение это имеет для вас?

Старая женщина снова едва заметно улыбнулась.

– Мы сестры, дорогая. Мы видим в мире, где все слепы.

Колетт коснулась моей руки.

– Неудача не для тебя.

Глава 4

– Чем мы можем вам помочь? – спросила Ло привлекательного мужчину в мягкой шляпе с продольной вмятиной и хорошо сшитом костюме в полоску, вошедшего в цветочный магазин. Она обращалась с покупателями-мужчинами с невероятной ловкостью. К тому моменту, когда они готовы сделать покупку, эти мужчины либо уже просят у нее номер телефона, либо очарованы до такой степени, что купят все, предложенное Ло.

– У меня проблема, – ответил мужчина.

Ло ослепительно улыбнулась.

– Нет ничего, что нельзя было бы исправить с помощью букета цветов.

– Именно на это я надеюсь. – Он склонил голову к плечу и с некоторой игривостью посмотрел на Ло. – Дело вот в чем. Я разбил женщине сердце, а теперь я хочу его починить.

– Починить ее сердце? – я услышала сарказм в голосе Ло. Мужчина ей не нравился. Ни капельки. – Могу ли я узнать, насколько серьезно было повреждено сердце?

– Очень сильно, – ответил мужчина. – Послушайте, мне нечем гордиться. Я ей изменил.

При этих словах я прикусила губу. Меня не переставало удивлять, с какой легкостью мужчины признаются в своих грехах цветочницам, как будто мы психотерапевты. Один взмах розой, и они выкладывают все свои тайны.

– Понятно. – Ло сделала несколько осторожных шагов к холодильнику, в котором мы держали букеты, нравившиеся определенной категории людей. Это были нежные сочетания розовых роз, метельчатой гипсофилы и нескольких гвоздик для гармонии. Вы можете быть сколь угодно изобретательны и креативны в цветочных аранжировках, но некоторым покупателям нужен скучный вариант.

– И вы ищете цветы, которые говорят: «Я люблю тебя. Прости меня. Прими меня обратно», – продолжала Ло.

– Да, – ответил мужчина, глядя на мою подругу такими глазами, словно она была прорицательницей. – Именно так.

– Что ж. – Ло открыла дверцу одного из холодильников. – Тогда я предложу вам розовые розы в сочетании с большим количеством гипсофилы.

Я поморщилась, когда она потянулась к вазе с цветами.

– Идеальный вариант, – обрадовался покупатель.

– Вот и хорошо, – губы Ло скривились в улыбке.

Пока она пробивала чек, вошел еще один покупатель, тот самый загорелый сорокалетний мужчина, который заходил перед Рождеством.

– Тебе нужна моя помощь? – спросила я Ло, поднявшую голову и встретившуюся с ним взглядом.

– Нет. – Она упорно смотрела вперед. – У тебя много дел с бумагами, и потом, тебе вот-вот нужно будет пойти в парикмахерскую, верно?

Я кивнула.

– Я сама им займусь, – сказала Ло, когда мистер Изменщик направился к двери.

Я заметила, как покачиваются ее бедра, когда она подошла к загорелому мужчине. Ло профессионал в любовной игре, и мне нравится наблюдать за ней, даже если я не всегда одобряю ее тактику.

– И снова здравствуйте, – улыбнулась Ло, убирая за ухо прядь волос.

Мужчина почесал голову, на его руке ярко сверкнуло золотое обручальное кольцо. *Нет, Ло, не надо.*

– Мне нужно что-нибудь простое, – сказал он. – Может быть, пионы. И несколько фрезий...

Мужчины редко знают такие цветы, как пионы, поэтому я знала, что ему удалось произвести впечатление на Ло.

– И по какому же поводу такой букет? – спросила она, явно выведывая намерения покупателя.

Мужчина потер лоб.

– Ну, это для одного очень важного для меня человека.

– Женщина вашей жизни? – Ло отошла к прилавку.

– Да.

– Это ваша жена?

Он замаялся. Потом покачал головой.

– У нас с женой сейчас сложный период. Но эти цветы для моей матери. Завтра у нее была бы годовщина свадьбы, только мой отец в прошлом году умер.

– Мне очень жаль, – сказала Ло, – и по поводу вашей жены тоже.

Но в ее голосе к концу фразы уже не было искреннего сожаления, только любопытство.

– Вы с ней расстались? – продолжала Ло.

– Все к этому идет, – мужчина покачал головой. – То есть... вы позволите быть с вами откровенным?

Ло кивнула с жадным вниманием.

– Я пытаюсь делать все, что обычно делает человек, пытающийся сохранить брак, но... – он снова потер лоб, – я не могу понять, лежит ли у меня к этому сердце.

Покупатель вздохнул.

– Звучит, наверное, ужасно.

Ло положила руку на рукав его пиджака.

– Или честно, – сказала она.

– Спасибо. – Мужчина просиял. – Думаю, у каждого из нас своя правда, ведь так?

Ло кивнула.

– Я сама всегда так говорю.

Покупатель улыбнулся.

– И вот вы пришли в цветочный магазин, – продолжала Ло.

Он огляделся по сторонам.

– Да, я здесь. Опять, – мужчина улыбнулся. – Меня зовут Грант.

– А я Ло, – она протянула руку.

И в эту минуту перед моими глазами появилось облако, и я потеряла глаза, как делала это всегда. Но на этот раз по моим рукам побежали мурашки, потому что я *знала*.

Ло создала великолепный букет – пионы, гиацинты и зелень в квадратной вазе – поставила его на прилавок и вместе с покупателем залюбовалась им.

– Знаете, – смело сказала она, – жизнь слишком коротка, чтобы не быть счастливым.

– Я знаю, – ответил мужчина. – Сейчас я очень хорошо это понимаю.

Ло фыркнула.

– И что же вы собираетесь делать?

Я метнула на нее взгляд. Ло может сказать все что угодно, но мне не всегда нравится, когда она излишне прямолинейна с нашими покупателями.

Грант смотрел на огромную композицию на столе в центре магазина. В керамической вазе диаметром с достойное вишневое дерево стояли белые и розовые розы, левкои, фрезии, каллы и веточки ирландских колокольчиков для большего эффекта. Следуя традициям моей бабушки, мы каждые несколько дней создавали что-нибудь новое и огромное. Иногда кто-нибудь покупал такую композицию, иногда нет. Но бабушке всегда нравилось входить в магазин и видеть такое великолепие, и в этом я была с ней согласна.

Глаза Гранта на мгновение загорелись.

– А это, случайно, не продается? – спросил он, указывая на большую композицию.

– Продается, – Ло смутилась. – Если вы предпочитаете приобрести именно этот букет для...

– Я возьму это, – объявил Грант, подходя к центральному столу и поднимая вазу. Цветы частично закрыли его лицо. – Я покупаю обе композиции.

– У вас великолепный вкус. – Ло просияла и взяла его кредитку.

– Пообедайте со мной, – неожиданно сказал Грант. – В понедельник вечером.

Ло посмотрела на меня, потом снова на Гранта.

– Да, – решительно произнесла она. – Да, я пообедаю с вами.

– Отлично, – Грант широко улыбнулся. – Тогда я заеду за вами сюда около шести, хорошо?

– Да, заезжайте и заберите меня, – Ло уже откровенно флиртowała.

Грант направился к двери, потом обернулся и улыбнулся.

– Тогда до скорой встречи.

Ло посмотрела на огромную композицию на прилавке, которую мужчина как будто забыл.

– Подождите минуту, – окликнула она его. – Вы забыли этот букет.

Грант снова обернулся:

– Это для вас.

Как только за ним закрылась дверь, я повернулась к Ло.

– Что это сейчас было?

Ее улыбка оказалась заразительной, и я почувствовала, как приподнялись уголки моих губ, когда я смотрела на подругу, не сводившую глаз с роскошных цветов.

– Удивительный человек пригласил меня на свидание, вот что это было. – Ло подняла на меня глаза.

– Дорогая, он женат. Не стоит с ним встречаться.

– Но ты же сама слышала, – сказала она. – Они расстались или почти расстались. Но в любом случае этот брак недолго протянет.

– Но ты же не знаешь этого наверняка, Ло. И он слишком стар для тебя. Вспомни, ты же сама говорила, что не встречаешься с мужчинами за сорок.

Ло как будто погрузилась в свои мысли. Потом ее глаза сверкнули.

– Ты это видела?

– О чем ты говоришь? – спросила я, хотя точно знала, о чем она. Я знала, что я видела.

– Ты видела признаки *любви*? Твое зрение изменилось? Джейн, скажи же мне!

– Нет, – солгала я и почувствовала себя виноватой. Меня мучили сомнения. *Что если Колетт ошибалась?*

Ло охнула. Я услышала в ее голосе разочарование. Может быть, она почувствовала, как между ними пробежала искра, что-то такое, что выделяло этого мужчину из толпы остальных? Возможно, она хочет, чтобы я это подтвердила?

– Ладно. – Ло быстро взяла себя в руки. – Кто сказал, что любовь нельзя вырастить?

Она вздохнула и одернула свое платье-свитер.

– Я намерена с ним пообедать. И будь что будет.

* * *

Мэри владела парикмахерской в двух кварталах от рынка. Это было крошечное пространство, в котором хватало места лишь для пары кресел, раковины и стола администратора. Она влюбилась в его деревянные полы и неоштукатуренную кирпичную стену, когда нашла это помещение десять лет назад, и осталась. Два года назад Мэри сумела купить

соседнее помещение и снести стену между ними. Так образовалось место еще для двух мастеров, но салон по-прежнему оставался уютным.

Когда я вошла, Мэри сидела за столом администратора и разговаривала с одним из парикмахеров. Она моложе меня на год, и она очень красивая: золотисто-каштановые волосы, оливковая кожа. Она замужем за музыкантом Илаем. Достоверный факт: это одна из самых красивых пар Сиэтла.

Мэри помахала мне рукой и указала на свободное кресло. Я усаживалась в него год за годом, смеялась или плакала, как в те дни, когда я горевала о маме. Я опустилась на знакомое сиденье и вздохнула.

Пусть мужчины выкладывают всю подноготную цветочницам, а на меня такой же эффект оказывают парикмахеры. Уже десять лет Мэри выслушивала мои секреты, подстригая мне волосы. Но я не торопилась делиться с ней тем, что рассказала мне Колетт. Я думала о том, как мне спросить у Мэри совета, но при этом не беспокоить ее деталями, тяжесть которых я отныне ощущала.

– Привет, дорогая, – поздоровалась Мэри, перебирая пальцами мои длинные белокурые волосы. Их нужно было мелировать и, пожалуй, подстричь совершенно по-новому.

– Привет, – устало произнесла я.

– О, что-то с тобой не так, – заметила Мэри. Настоящая подруга по одному слову способна понять ваше эмоциональное состояние.

– Я почувствовала прилив сентиментальности и решила пересмотреть то, что хранила мама, – сказала я. – Ты же знаешь, каким безнадежным романтиком она была, несмотря на то, что отец разбил ее сердце. Среди ее вещей нашлась старая книга, в которой говорилось о женщине с редким даром. Она видела, любят люди друг друга или нет.

– Какая замечательная сказка! Особенно подходит к Рождеству, – воскликнула Мэри.

– И я вдруг задумалась, что было бы, если бы мне или тебе пришлось принимать те решения, которые принимала она. Если человек видит, что происходит с любовью в жизни близких ей людей, следует ли ей сказать им об этом? Или это будет вмешательством в их личную жизнь?

– Наверное, ты имеешь в виду вот что: что делать, если такой человек видит, что муж любит свою жену, а жена любит другого или наоборот, так?

– Совершенно верно, – сказала я. – Деликатная проблема, согласна?

– Очень, – ответила Мэри. – Если бы кто-то сказал мне, что Илай меня не любит, едва ли меня это обрадовало бы. Меня бы такое известие просто убило.

– Есть еще кое-что странное, – продолжала я, послушно откидывая голову назад под руками Мэри, чтобы она вымыла мне волосы. – В конце книги обнаружили пустые страницы, как будто я должна заполнить их, хотя я никогда не влюблялась.

– Что ж, – Мэри продолжала заниматься своим делом и потянулась за кондиционером для волос, – я думаю, что она могла бы помогать людям самим сделать выводы и принять обдуманное решение, но ничего напрямую им не говорить. Как тебе такой вариант?

Я прикрыла глаза, когда Мэри начала смывать кондиционер.

– Просто подтолкнуть их в правильном направлении, как это делают умелые свахи?

– Точно, – согласилась Мэри. – И можно просто помогать им на их пути. Немного поиграть в Купидона.

– Никак не могу перестать думать об этой истории, – продолжала я. – Если женщина не испытала любовь в своей жизни, то ее можно назвать слепой.

Мэри подняла брови и принялась сначала вытирать волосы полотенцем, а потом расчесывать их.

– Слепа? Думаю, я понимаю, о чем ты. В последнее время я чувствую себя какой-то потерянной, потому что Илай все время в разъездах. В любом случае, я делаю то, что делают

все женщины в таком состоянии: я заново отделываю кухню. – Мэри пожала плечами. – Илай удивил меня на Рождество своими планами. Мы наконец избавимся от этих шкафчиков восьмидесятих годов.

Я снова села в кресло перед зеркалом, Мэри взялась за ножницы.

– Это здорово, – оценила я, вспомнив об одном наблюдении. Ремонт дома – это способ замаскировать или оттянуть неизбежность разрыва отношений. Словно новые шкафчики и свежая краска смогут заполнить провалы неудавшейся любви. Но я не стала говорить об этом Мэри. – Уверена, что получится отлично.

Она кивнула как-то отстраненно.

– Илай слишком много ездил в прошлом году, – сказала она. – Честно говоря, я бы предпочла иметь дома его, а не новую кухню.

– Не сомневаюсь, – я улыбнулась. – Но он же страстно любит свою музыку, верно? Ты должна им гордиться.

Когда Мэри и Илай поженились, он сидел без работы, хотя и пытался писать песни. Но пять лет назад случился настоящий прорыв, когда одну из его песен выбрал голливудский продюсер, вставил ее в фильм, получивший в результате «Оскар». Карьера Илая пошла вверх. В прошлом году он подписал контракт с крупной звукозаписывающей компанией.

– Я горжусь, – ответила Мэри и закусила уголок губы. – Я понимаю, что говорю, как ревнивая жена... Это не значит, что я не рада за него. Просто быть женой музыканта очень непросто. Особенно женой музыканта, разъезжающего по стране, невероятно сексуального музыканта-гастролера.

Илай и правда был очень сексуальным. «Горячая штучка», по выражению Ло. Он из тех парней, которым стоит только войти в бар, как все женщины будут смотреть на них, даже замужние. Илай отлично знает, что обладает этим качеством, и в его присутствии замирала даже я.

– Могу только догадываться, – сказала я. – Но ведь ты бы и сама не хотела жить по-другому, правда?

Мэри вздохнула.

– Нет, не хотела бы. Он любовь моей жизни. – Она взяла фен и круглую щетку. – Но я бы солгала, если бы не призналась в том, что мне не дает покоя его жизнь во время турне или я не думаю обо всех тех замечательных женщинах, с которыми он встречается. Они буквально бросаются на него, Джейн. Я видела это собственными глазами.

– Ты удивительная женщина, дорогая, – я встретила взглядом в зеркале с глазами Мэри. – Илай женат на лучшей из женщин. Тебе не о чем беспокоиться.

Мэри дернула плечом.

– Мы говорили о том, чтобы обзавестись детьми.

– Это же замечательно, – обрадовалась я. – Ты будешь великолепной матерью, Мэри.

– Поживем – увидим, – ответила она. – Мы стараемся уже полгода. Но пока нам не везет. Частые отлучки Илая делу не помогают.

– Что ж, если это должно случиться, то оно случится.

Мэри кивнула.

– Ты права. Илай скоро возвращается домой. – Она закончила сушить феном мои волосы и развернула кресло так, чтобы я увидела себя в зеркале. – Готово.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Как всегда идеально.

– Какие у тебя планы на Новый год?

Я покачала головой.

– Мой брат как всегда устраивает шумную вечеринку и намерен затащить меня туда.

– И как поживает Флинн?

Много лет назад Флинн влюбился в Мэри, но, зная о его отношении к женщинам, я этот роман не поощряла.

– У него все в порядке, – сказала я. – Меняет женщин как перчатки, ты же знаешь, – я улыбнулась. – Ничего нового.

Мэри сбрызнула мои волосы лаком с цитрусовым ароматом.

– Думаю, тебе стоит пойти на эту вечеринку. Никогда не знаешь, кого можешь там встретить.

Я округлила глаза.

– Нет, я точно знаю, какого парня могу там встретить. Он наверняка окажется художником, скорее всего с татуировками на руках, на нем будут обтягивающие брюки и, вероятно, подтяжки.

– Ты слишком разборчива, Джейн, – хмыкнула Мэри. – Эти парни тоже могут быть замечательными.

В эту минуту дверь салона распахнулась, и вошла пожилая женщина. Я мгновенно узнала в ней англичанку, подходившую к газетному киоску Мела перед Рождеством. Она выглядела очень ухоженной и гордой, но все же в ее облике проскальзывало одиночество. Она встретила со мной взглядом, я улыбнулась, но женщина сразу отвела глаза.

– Что у нее за история? – шепотом спросила я у Мэри.

– Это Вивиан, – тоже шепотом ответила она. – Она приходит в салон каждый четверг, чтобы помыть и уложить волосы. Вивиан почти ничего о себе не рассказывает. Я долгое время считала ее снежной королевой, но... – Мэри замолчала и покачала головой. – Ты знаешь, что случилось с ее мужем?

– С ее мужем?

– Да, она была замужем. Мне пришлось использовать все мои немалые детективные способности, чтобы сложить всю картину целиком. Однажды она расплатилась чеком, и я запомнила ее фамилию. Быстрый поиск в Гугле дал неожиданный результат. Джейн, она вдова Алистера Синклера.

Я покачала головой.

– Мне это имя ничего не говорит.

– Поначалу я отреагировала так же, но продолжала искать. Он был известным человеком. Королева произвела его в рыцари за его гуманитарную работу в Африке. Насколько я поняла, Вивиан тоже принимала в этом большое участие. Он погиб десять лет назад при крушении вертолета. Это случилось в Африке. Он был со своей любовницей.

Я ахнула.

– О, нет!

Я посмотрела на Вивиан, сидевшую в дальнем конце салона. Она смотрела на свои руки с маникюром, лицо ее было мрачным.

– Понятно, откуда в ней столько горечи.

Мэри кивнула.

– Полагаю, это вполне объяснимо. Потерять любовь всей своей жизни и одновременно выяснить, что сердце мужа принадлежало другой женщине...

Я подумала о Меле, антипode знаменитого покойного мужа Вивиан. Сможет ли он растопить лед, сковавший ее сердце?

* * *

После ланча я поехала в центр города на ежемесячную встречу с моим неврологом, доктором Эми Хеллер. Она наблюдала за моим состоянием с самого детства, а после смерти мамы стала моей наставницей, как будто заменяя мне мать, хотя в ней не было ни малейшего

сходства с моей мамой. Если мама была романтической и часто слушала песню Билли Джоэла «And So It Goes»², прокручивая ее несколько раз подряд и заливаясь слезами, то практичная доктор Хеллер рассматривала жизнь как факты, а не как эмоции. Она легко справлялась с любыми преградами, но я часто гадала, счастлива ли она.

– Здравствуй, Джейн, – поздоровалась доктор Хеллер и расположилась рядом со мной в своем кабинете с бежевыми стенами и окнами, из которых открывался вид на Капитолийский холм Сиэтла. Она каждый раз так делала. – Как мы себя чувствуем на этой неделе?

Доктор Хеллер всегда говорила «мы», а не «ты». Если у ее пациентов был рак, то и у *нее* был рак. Если они мучились мигренями, она тоже терла измученный болью лоб. Возможно, доктор Хеллер не была эмоциональной женщиной, но она обладала даром сочувствия.

– Мы... О'кей, – сказала я.

– Просто о'кей?

Я с трудом сглотнула и начала подробно рассказывать о моем визите к Колетт.

Доктор Хеллер отложила мою карту, потом кивнула.

– Позволь мне назвать все своими именами. Итак, незнакомая тебе женщина сказала тебе, что изменения в твоём зрении объясняются твоей способностью... – она откашлялась, – видеть любовь?

– Коротко говоря, да.

– И ты веришь этой женщине?

Я пожала плечами.

– Я не хочу ей верить, но она так говорила о моем состоянии, что впервые в моей жизни я распознала в этом какой-то смысл.

– Какой?

– Колетт сказала, что до заката в день моего тридцатилетия я должна найти шесть типов любви среди окружающих меня людей, иначе мне самой никогда не обрести любовь.

Доктор Хеллер сняла очки, протерла стекла рукавом белого халата и снова надела.

– Вы думаете, что это чистой воды безумие? – спросила я.

– Нет, – ответила она. – Я так не думаю. Джейн, ты знаешь притчу о девушке и рыжей лисе?

Я покачала головой.

– В ней говорится о том, что в одном далеком королевстве жила красивая девушка. Четыре ее младших сестры вышли замуж за достойных женихов, а эта девушка, несмотря на свою красоту, оставалась незамужней. Мудрая старая женщина из соседней деревни сказала ей, что если девушка хочет найти любовь и выйти замуж, то она должна отыскать рыжую лису в лесу при свете луны. Рыжие лисы встречаются очень редко. Но девушка согласилась сделать это. Ночь за ночью, год за годом она все пыталась найти эту неуловимую рыжую лису. Но однажды ночью девушка наконец увидела рыжую лису, замершую в лунном свете на покрытом мхом камне. Спустя несколько мгновений лиса была убита стрелой, которую выпустил принц, сидевший верхом на коне. Он сразу заметил красоту девушки. Они поженились, и она стала принцессой. И вот я спрашиваю, что определило встречу девушки с любовью: рыжая лиса или ее собственная настойчивость? Джейн, я верю в науку, а не в магию. Я верю, что почти у всего происходящего есть логическое объяснение. И хотя это задание, возможно, и не излечит твоё состояние, оно может помочь тебе лучше понять себя. И в этом я тебя полностью поддерживаю.

– Спасибо, – успела сказать я, и тут дверь распахнулась, и в кабинет сунула голову медсестра Келли, давно работавшая с доктором Хеллер.

– Прошу прощения, доктор Хеллер, но доктору Уайту необходимо с вами поговорить.

² «Вот как это происходит».

– Пусть он войдет.

Келли и доктор Уайт вошли в кабинет.

– Прошу прощения, я вам помешал, – обратился он ко мне.

– Все в порядке, – ответила я. Доктор Уайт, красивый врач, чуть моложе доктора Хеллер, передал ей карту. Келли наблюдала, как они обмениваются мнениями по поводу другого пациента, и тут перед моими глазами появилось облако.

– Извини, – обратилась ко мне доктор Хеллер, когда Келли и доктор Уайт вышли. – Ох уж эти врачи-мужчины, – она вздохнула. – Они входят сюда с таким гонором, а когда оказывается, что они ошиблись, они не дают мне даже слова сказать. Я должна просто... – ее голос прервался, когда она увидела, что я тру глаза.

– Облако перед глазами, так? Это происходит сейчас.

Я кивнула.

– Нам необходимо это зафиксировать и посмотреть на МРТ. Если нам повезет, мы ухватим проблему за хвост. Поторопись, Джейн.

Келли вернулась с креслом на колесиках и торопливо повезла меня по коридору.

– С вами все в порядке, дорогая? – спросила она в лифте.

Я снова потеряла глаза. Туман уже начал рассеиваться.

– Да, – ответила я. – Но вы должны мне сказать одну вещь. Как давно она его любит?

– Дорогая, о чем вы говорите?

– Как давно доктор Хеллер любит доктора Уайта?

Келли нервно рассмеялась.

– Вам лучше спросить об этом у нее, – сказала медсестра и повезла меня по длинному коридору в кабинет МРТ.

Глава 5

1301, Четвертая авеню

Флинн открыл глаза, повернулся на правый бок. Рядом с ним спала обнаженная женщина. Ее белокурые волосы рассыпались по подушке, под глазами размазалась тушь. Он сел, увидел пустую винную бутылку на ночном столике, и туман, окутывавший события предыдущего вечера, начал постепенно рассеиваться. Он находился в своей арт-галерее на Пайонир-сквер, где его друг Райан выставлял новые работы. Картины Райана не были запоминающимися или очень талантливыми, но он был другом Флинна, и тот не мог отказать ему в проведении выставки. К счастью, состоятельное семейство Райана покорно скупило все картины до одной.

Флинн тихонько выбрался из кровати. Ему не хотелось будить... Как же ее звали-то? Дженна? Кара? Джулия? Она официантка или дантист? Пластический хирург или стюардесса? Флинн снова услышал голос сестры: «Ты встречаешься только с одним типом женщин: со шлюхами». Но что знает о любви Джейн? У Флинна хотя бы *есть* женщины.

Он бесшумно ступал по холодному деревянному полу, стараясь не наступать на скрипящие половицы в трех шагах от кровати. Стоит только половице скрипнуть, эта как-ее-там проснется и позовет его обратно в постель. Не то чтобы это стало трагедией, но у Флинна был свой кодекс поведения. Утренний секс, хотя и приносящий удовольствие, не входил в меню для тех, с кем он спал всего лишь одну ночь. Утренний секс только для отношений. Утренний секс только для любви. А Флинн еще никогда никого не любил.

Он размышлял об этом, стоя нагишом в своей кухне, разглядывая город, раскинувшийся за высокими окнами его квартиры-лофта на одиннадцатом этаже. Он насыпал смолотый заранее эспрессо в кофемашину и включил ее. Прислушиваясь к привычному гудению агрегата, подаренного девушкой, чье лицо после произошедшего шесть лет назад разрыва он не мог вспомнить, Флинн думал о своей жизни. Тридцать пять лет. Никогда не был женат. Никогда не имел серьезных отношений. И, возможно, он всегда будет таким.

Флинн отпил глоток эспрессо и посмотрел в окно на многоквартирный дом на другой стороне улицы. Перед его глазами как раз тянулся ряд окон на одиннадцатом этаже. Интересно, она уже проснулась, та женщина, которую он несколько раз видел за этими окнами? Она готовила еду в нижнем белье или даже без него, часто плакала поздно вечером или рано утром, работала в свободной спальне, которую она использовала как гончарную мастерскую. Эта женщина вращала гончарный круг так сосредоточенно, так энергично, что Флинн не мог отвести от нее взгляд. И тут она вышла из своей спальни в белом топе и красных трусиках. Ее длинные каштановые волосы были собраны в небрежный конский хвост и раскачивались из стороны в сторону, пока она двигалась по кухне. Женщина налила себе кофе в огромную белую кружку и подошла к окну. Она посмотрела через улицу на квартиру Флинна. Их глаза встретились, и время как будто остановилось. Флинн собрался было помахать ей, когда почувствовал, как тонкие руки обнимают его за талию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.